

Сергей Греков

Я такой

Санкт-Петербург
2020

Греков С.А. Я такой – Санкт-Петербург, 2020. - 176 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Начало жизни. Первые университеты.....	5
Учёба в Минском СВУ	18
Начло службы в ВМФ.....	23
ГОДЫ на ФЛОТЕ	30
ТОФ.....	30
Разбойник.....	31
Остров Русский	39
Шиманский В.Р.....	42
«Ленка» и шеф.....	46
Боевая служба – крещение океанами	48
Служба в Хабаровске	61
Поступление в академию.....	83
УЧЁБА В ВПА им. В.И. Ленина.....	96
СЛУЖБА НА БАЛТИКЕ.....	100
СЛУЖБА НА СЕВЕРНОМ ФЛОТЕ.....	112
Порт Владимир	112
Полярный - колыбель СФ	128
Штаб флотилии - оргмоботдел.....	129
Краснознаменная бригада тральщиков.....	131
СТИХИ	136

Посвящается моим родителям

Я такой же как вы мирянин.
Я никому не делал зла.
По национальности я славянин,
А по жизни воин добра.

Начало жизни. Первые университеты

Ну, вот и пришло время заняться собой, историей моей семьи и моей замысловатой жизни.

Давно мне хотелось поупражняться в прозе и поразмышлять о выкрутасах моей судьбы.

Ура, я на пенсии!

Жизнь моя, как и большинства моих сверстников, протекала размеренно и спокойно до окончания восьмилетней школы.

Во-первых, я жил с родителями и дома.

Во-вторых, все решения принимались за меня и во благо меня моими родителями.

Несколько суждений и размышлений об этом беззаботном времени. Родился я 27 апреля 1955 года в поезде на железнодорожной станции Артёмовск Донецкой области, о чём и справка есть. Моя мама (Галина Михайловна в девичестве Погребная) не «довезла» меня к своим родителям, то есть к моей бабушке (Елизавета Игнатьевна в девичестве Тимрякова) и дедушке (Михаил Кузьмич Погребной), которые проживали в селе Тёткино Глушковского района Курской области. Немного опережая повествование – скажу с придыханием – я до сих

пор очень хорошо их помню и часто вспоминаю. Всему хорошему, что у меня есть – я обязан моим родственникам, особенно по маминной линии. Мне не терпится рассказать о многих из них.

Мой отец: Греков Андрей Денисович родился 30 ноября 1918 года в большой крестьянской семье в селе Кукуевка Тимского района Курской области. Его родители умерли до моего рождения, и я, к сожалению, мало что знаю об этих замечательных людях. До призыва на службу в 1938 году отец успел после школы закончить зоотехникум и поработать на шахте в Донецке, где уже работали его родственники. В 1940 году после окончания Смоленского военного политического училища, куда он поступил, будучи старшиной эскадрона, его назначили политруком отдельной разведывательной роты. Великую Отечественную войну отец встретил в Эстонии. В августе 1941 года после тяжёлого ранения он был отправлен в тыл на лечение, а 7-го ноября 1941 года принял участие в знаменитом параде на Красной площади и впоследствии дошёл с боями до Берлина, закончил войну замполитом командира полка, уволен в запас в звании подполковника в 1953 году. До пенсии работал в основном в школе военруком, проводил большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи, возглавлял Совет ветеранов Куйбышевского района города Донецка. Умер в 1989 году.

Моя мать: Грекова (Погребная) Галина Михайловна родилась 25 февраля 1924 года в селе Тёткино Глушковского района Курской области в простой семье сельского кузнеца и домохозяйки – выпускницы гимназии... Выпускной в школе состоялся 21 июня 1941 года, а дальше началась война и оккупация. Мама была партизанской связной. После окончания войны закончила, уже работая в школе, Курский педагогический институт и более 30 лет проработала в средней школе в основном учителем начальных классов в городе Донецке. Умерла в 1998 году.

Как видите, мои дорогие читатели, я из учительской семьи. Хотя это и не совсем так. Сейчас постараюсь пояснить. Детство моё и отрочество проходили в городе и деревне. И, пожалуй, до школы я больше был у бабушки с дедушкой, которые стали для меня наставниками, кумирами и воспитателями, наряду с родителями. Несколько подробнее расскажу об этих удивительных людях, которые заложили в мою душу не только мировоззренческий стержень, но и свою огромную любовь к первому внуку из трёх...

Мой дедушка, как я уже упоминал, был сельским кузнецом и ещё заядлым рыбаком. То есть самым настоящим мужиком в самом лучшем смысле этого слова. Михаил Кузьмич Погребной 1901 года рождения был из небогатой казачьей семьи, окончил церковно-приходскую школу и с детства трудился.

У него был каллиграфический почерк, который я помню до сих пор, и удивительно мягкий характер. Это был непревзойдённый рассказчик. Недаром они с бабушкой играли в 20-е годы в народном театре. На рыбалке, когда заканчивался клёв, он порою доводил меня до икоты или слёз (в зависимости от настроения) своими рассказами и многочисленными историями. Таковыми были мои первые жизненные университеты. Недаром И.В. Сталин в своё время сказал эти очень правильные слова – пенсия – это зарплата за воспитание внуков и за сохранение преемственности поколений. То есть нам, нынешним дедушкам и бабушкам повезло, чего не скажешь о сегодняшнем времени и наших внуках. Да и ещё одна деталь моего деревенского детства в Тёткино. Поселение было обозначено как населённый пункт в 1650 году. Село основали казаки, выходцы из Полтавской губернии. Так вот среди первых поселенцев было чуть ли не половина дедушкиных родственников, у которых была одна и та же фамилия – Погребной(ная), кроме них там были так же Кириченко, Калюжный, Чепурной, Мозговой, Якименко, Вакуленко, Шевченко, Ермоленко, Шаповал, Сукаленко, Чайка, Дубонос, Сахно, Булах, Котенко... Одним словом, сплошные родственники или как сейчас говорят – кланы, причём каждая родовая фамилия имела и своё прозвище. Мы, например, были «лягунами».

Моя бабушка: Погребная (Тимрякова) Елизавета Игнатьевна, 1900 года рождения, закончила гимназию. Её отец, мой прадед, Игнат Дмитриевич Тимряков, имел свою мельницу и работал на сахарном заводе начальником среднего уровня, был очень физически сильным и мог спокойно поднять на спине лошадь, да ещё с ней пройти! У бабушки было родных две сестры и два брата.

Они вырастили и воспитали двух дочерей: мою мать – Галину и мою тётю – Валентину, которая очень меня любила и баловала в детстве.

Тепло, доброта, радушие и любовь моих близких, упомянутых в этих строках, навсегда остались в моей душе и сердце. И я всю жизнь помню о них и о тех счастливых, беззаботных днях моего детства! Огромное им спасибо и низкий поклон за всё то, что они сделали для меня.

Воспоминания *(Тёткино)*

Мне часто снится то село,
Где детство с юностью прошло.
Друзья – товарищи, набег по садам.
Как хорошо нам было там!

Мне вспоминаются мои учителя
И молодая вся родня.

Их многих нет уже на белом свете,
Но мудрость их еще мне светит.

Как много пройдено дорог?
Как много сделано ошибок?!
Но если бы я снова мог:
Я все равно бы в лужу прыгнул.

Я все равно бы лазил по садам.
Я все равно б на речку убегал.
Ловил бы рыбу, собирал грибы
И вспоминал, и думал где же ты:

Тех дней и удаль, и печаль?
Ответь, судьба, что там скрывает даль?
Что уготовано тобой?
И что оставим за собой?..

08.01.03

Итак, вернёмся к моему появлению на свет. Моё рождение было большим событием в нашей семье, так как я был поздним ребёнком (маме шёл 32-й год, а папе 37-й). 4 ноября 1956 года родился мой родной брат Юрий. Мы с ним были погодками, послевоенными детьми. Впоследствии, став уже взрослым, имея своего сына, я понял, как было нелегко нашей маме с нами. Ведь мы были очень подвижными, мягко сказать, мальчишками. Уследить за нами было нелегко, видимо, поэтому до школы

я был чаще у бабушки и дедушки в деревне. Однако, я был очень рад этому и с большой любовью вспоминаю то далёкое время! Разве можно забыть вкус парного молока или свежесбитого сливочного масла, садовой клубники или малины, бабушкиного картофельного пюре или пирожков, печёные в русской печи яблоки и торт «Наполеон», ну и прочие деревенские изыски?! Одним словом, детство моё прошло в любви и бесконечной радости, с многочисленными деревенскими приключениями, которые продолжались и дальше вплоть до поступления в суворовское училище. Но об этом чуть позже.

Детство пролетело очень быстро и в 1962 году я пошёл в первый класс школы № 52 города Донецка, а затем до окончания восьмого класса была средняя школа № 46. До сих пор с волнением вспоминаю этот день и серьёзность момента. Ведь я не умел ещё читать! Но мог на ходу сочинять. В детском саду я частенько занимал своими рассказами по указанию воспитательницы своих одноклассников. Через месяц-другой учёбы я уже читал быстрее и лучше, чем те, кто умел это делать раньше меня! И пошла моя учёба, а вместе с ней и любовь к книгам, особенно военно-патриотического и исторического характера. К сожалению, в наше время у молодёжи книги не в почёте – всё заменили электронные СМИ. Однако, вернусь к учёбе. Оговорюсь сразу, учиться мне всегда нравилось,

Мои родители: мама и папа

ОБЪЕДИНЕННАЯ
БОЛЬНИЦА
ст. Артемовск
Северо-Донецкой ж. д.

СПРАВКА

8/288 Дана граждан ке Греновач
Галине Михайловне

в том, что находил(ся) на стационарном лечении в объединенной больнице ст. Артемовск с 27/10 85 по 31/10 85

по новоселовской дороге. Район 27/10 85
Станция Артемовск. Район 27/10 85
в классической поликлинике

Лечащий врач Григорьев

Форм. № 1 изда «ЖД». Зан. № 2345-5000

*С родителями в парке
в Донецке*

Я и мама

*Сестры:
мама и тетя Валя*

*В Рыжевском лесу с родителями, мамиными подругами
и друзьями*

*Во дворе под кустом сирени в Тёткино с дедушкой, бабушкой,
папой и тётей Варей из Ленинграда*

Дедушка, бабушка, родители и мы с братом Юрием

*2-ой класс СШ №46
г. Донецк*

Учёба в Минском СВУ

С малых лет я был заводилой, тяготел к работе с людьми, общественной деятельности, лидерству, хотел внимания к своей персоне. Ещё раз вспомню детсад. Помимо моих рассказов, о которых я уже упоминал, мне одному из группы разрешали играть во время сна, чтобы не мешал спать другим детям. В октябрятское время был звеньевым, в пионерское – председателем Совета отряда, в комсомольское время членом бюро ВЛКСМ, капитаном школьной команды КВН. Что однажды спасло меня от хорошего мордобоя противоборствующей мальчишеской группировки (нас безбожно засуживали, а я, как мог, вместе с командой боролся, и многие болельщики были за нас). Вот за это меня не тронули. При вполне приличной учёбе, с дисциплиной, как и у большинства мальчишек переходного возраста, у меня всё было наоборот, то есть были замечания, «вызовы в школу моих родителей» (заковычил, так, как и отец, и мать работали в этой же школе и уже на следующей перемене, как правило, я получал причитающиеся мне репрессии по этому поводу или слушаю), педсоветы и даже исключения со школы в целях моего воспитания (по просьбе моих родителей).

Глядя на эти детские шалости с высоты прожитых лет, скажу честно – большинство из них были демонстративными с целью выделиться прежде всего перед одноклассниками и в первую очередь женского пола. Немалую роль в этих проступках-нарушениях играл также мой импульсивный характер и темперамент холерика...

В Суворовском военном училище я был и командиром отделения, и замсекретаря бюро ВЛКСМ взвода. В общем был неформалом, как сейчас говорят. Вот почему я хотел учиться в Киевском Высшем Военно-Морском Политическом училище уже с первого курса СВУ.

Годы учёбы в Минском суворовском военном училище с 1970 по 1972 год для меня до конца жизни останутся, пожалуй, самыми лучшими и памятными, самыми счастливыми. Думаю, мне очень повезло учиться в городе-герое, городе-красавце Минске среди замечательного белорусского народа, который как никто в СССР пострадал в годы Великой Отечественной войны от оккупации. Я пришёл в училище мальчишкой, а выпустился уже юношей, почти мужчиной, познавшим вкус солёного солдатского пота и мощь боевой техники, надёжность и необходимость плеча друга, а также, к сожалению, протекционизм с показухой. Вспоминая те годы, хочу честно сказать негативных моментов, которые, как ржавчина, разъедают наши Вооружённые Силы,

тогда было не так много, особенно при прохождении службы. Больше ценились личные качества, а не то, чей ты сын, родственник или знакомый... Справедливость и порядочность были высшим мерилом наших взаимоотношений с коллегами, товарищами, друзьями, с командованием 2-й роты, где я учился.

Командиром роты у нас был подполковник Александр Александрович Евдоченко, а командиром моего третьего взвода – капитан Владимир Сергеевич Крылов, командиром первого взвода был майор А.И. Акатов, второго – майор М.И. Мартынов (через некоторое время его сменил В.И. Дубовик) и, наконец, четвёртым взводом командовал всеобщий любимец роты – майор В.А. Кузьмин. Мы, суворовцы, любили его за справедливость, доступность, открытость и большую физическую силу. Например, он мог спокойно сделать в военной форме и сапогах стойку на руках на спинке кровати, легко крутил «солнце» на перекладине, гонял нас на утренней зарядке до изнеможения и учил жизни. Кстати, это делали все офицеры-воспитатели как-то исподволь и ненавязчиво, но кумиром нашим был майор В.А. Кузьмин! Училищем в то время командовал уроженец Донбасса (что нам донецким было особенно приятно), Герой Советского Союза генерал-майор Фёдор Андреевич Рудской, а его замечательная супруга преподавала нам

этику и эстетику. Мало кто не обожал эти предметы. Я по крайней мере таких не знал. Позже их два сына тоже закончили наше училище (старший стал полковником, а младший генерал-полковником, первым заместителем Начальника Генштаба ВС РФ, начальником Главного оперативного управления). Нельзя не вспомнить нашего старшину роты фронтовика Владимира Ивановича Некраша, а также нашего помощника командира взвода сержанта Тризну. Увы, время безжалостно и стирает в нашей памяти многие моменты жизни. И я, к сожалению, забыл, как звали некоторых весьма достойных людей. Думаю, читатели великодушно простят меня за это.

3-й взвод 2-я рота Мн СВУ перед выпуском

На каникулах после первого курса СВУ, во дворе дома. Донецк

Я и папа

Династия

Начло службы в ВМФ

Итак, учёба в КВВМПУ

После окончания Минского СВУ я не без труда, был направлен в КВВМПУ. Здесь мне вновь несказанно повезло. Спасли мои пятёрки. Мест на училище дали три, а я пошёл четвертым, после пятого посещения мандатной комиссии, когда все уже уехали в зимний отпуск!

С детства я, как и многие мальчишки, грезил и был «болен» морем. После окончания восьмилетки я даже хотел поступать в Ждановскую (позже Мариупольскую) мореходку, на судоводительский факультет, так как мечта поступить в Нахимовское военно-морское училище не могла быть реализована из-за иностранного языка (я учил немецкий, а там преподавали английский и французский). Но помог опять случай и мой отец-фронтовик. Я решил поступать в суворовское военное училище, так как мои родители были категорически против мореходки. К тому же в Киевское СВУ подал документы мой лучший друг Валера Краснов, с которым мы вместе учились в одном классе, родились в один день, месяц и год. Наши отцы служили на Дальнем Востоке, матери были коллегами по учительству. Как видите, я никак не

мог от него отстать, имея столько общего. Вот так и идём мы с Валерием

Николаевичем вместе по жизни с рождения, причём оба военные моряки, а сын его Сергей пошёл по стопам отца, и оба они активно участвовали в крымских событиях по возвращению его в состав Российской Федерации...Ныне Валерий Николаевич проживает в Севастополе в звании капитана 2 ранга в отставке, но и по сей день занимается вопросами укрепления обороноспособности нашей Родины.

Приём документов в суворовские училища практически был закончен. Благодаря авторитету отца, мы экстренно прошли медкомиссию и прочие необходимые процедуры и сдали документы в Минское суворовское военное училище. Мои волнения и переживания по этому поводу улеглись и... я на всю катушку, как говорят в народе, стал прощаться с гражданской жизнью. Поступая в Минское СВУ и учась в нём, я твёрдо знал, что буду моряком!

Суворовцам – минчанам!

Ребята XX века,
Однокашники из Минского СВУ.
Нет мне роднее, чем вы человека,
Сегодня я жить без вас не могу.

Не могу также забыть наш чудесный город.
Реку Свислочь и наш прекрасный парк.
Ох, как я был тогда молод!
И всех нас ждал судьбы барк...

Не могу забыть ваши добрые лица:
Мудрые наставники и учителя!
Паркетные полы с противной мастикой,
Красные лампы, ну и, конечно,
картофельные поля!

Не могу забыть Хатынь и Курган Славы,
Наши первые, робкие, самостоятельные
по жизни шаги.
Некоторые наши мальчишеские забавы
И детство, которое быстро осталось позади.

Не могу забыть хлебосольную Белую Русь,
Надёжные плечи друзей-товарищей.
В кадетке мы познавали жизни суть,
Ну, и никак не думали,
что нас ждут пепелища и пожарища.

Довелось и нам хлебнуть немало:
Впереди были Афганистан, Африка,
Карабах.

Да и других стран навалом,
А мы, порою, служили за просто так!

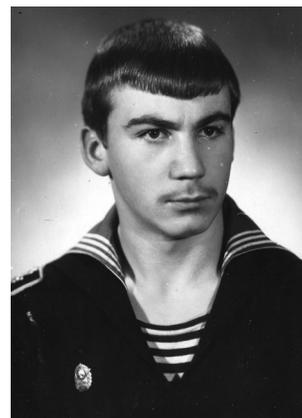
Годы учёбы, как и столичная жизнь в Киеве, пролетели мгновенно и вот уже выпуск. Прощай Подол, Андреевский спуск, Труханов остров, Гидропарк, Крещатик и другие благословенные места! Меня ждал Тихоокеанский флот. Опять считаю повезло. Мне очень хотелось посмотреть на Дальний Восток, где после войны служил мой отец.

С другом детства Красновым Валерием

1-й курс КВВМПУ

Мне 20 лет

1975 год, Средиземное море

ГОДЫ на ФЛОТЕ

ТОФ

По дороге на Тихоокеанский флот в Москве мы встретились с Валерой Королёвым с 41-й, параллельной роты. Стало веселей. Во Владивосток мы уже летели вдвоём. Затем вдвоём искали го-

*Таким я прибыл во
Владивосток*

стиницу, мокрые до нитки от летнего дождя. Однако, все эти мелочи нам были нипочём, средни приключений. Впереди была неизвестность, но мы были молоды и всё нам было по плечу. Очень хотелось скорее окунуться с головой в кипучую флотскую жизнь...

Разбойник

Первая моя офицерская должность – старший инструктор по комсомольской работе бригады тральщиков военно-морской базы «Стрелок» (позже Приморская флотилия) в посёлке Разбойник, Приморского края, Шкотовского района. Что это за гарнизон – знали все тихоокеанцы. Если не вдаваться в подробности, то проще говоря это ДЫРА, с отсутствием всякой цивилизации. До ближайшего пункта более-менее культурной жизни, посёлка Тихоокеанский (ныне город Фокино, в народе Промысловка) 12 километров. Для молодого, холостого офицера это была своего рода ссылка. До Владивостока 120 км на перекладных: автомобиль-поезд-электричка или попуткой (пешком), если повезёт автобусом до Тихоокеанского, а там проходящим автобусом Находка-Владивосток, если будут билеты, а их могло и не быть... Это минусы, а плюсы: гарнизон – одна семья. Все друг друга знают, помогают, сопереживают, проявляют участие.

Меня, молодого 21-летнего, можно сказать, мальчишку, встретили как родного. Командование бригады в лице командира бригады капитана 2 ранга Воробьёва Леонида Вячеславовича

и его заместителя по политчасти капитана 3 ранга Бутузова Олега Васильевича, пропагандиста бригады капитан-лейтенанта Гошуренко Петра, кажется, Григорьевича встретили меня как сына или близкого родственника. Окружили заботой и вниманием, дали прозвище (Бутузов О.В.) – Серёга-бедолага и нагрузили всевозможными должностями: начальник клуба, секретарь суда чести офицерского состава, замсекретаря партбюро штаба, куратор женсовета и народного контроля и т.д., и т.п. Однако, меня это не смутило, а наоборот закалило и позволило приобрести необходимый ценный опыт работы с разными категориями военнослужащих и гражданских лиц.

Я стал быстро заметным не только из-за своего высокого роста (188 см), но и ответственности за порученное дело, энергичное и добросовестное исполнение своих многочисленных полномочий и должностных обязанностей. А что было делать молодому офицеру, необременённому ничем, кроме службы? Только служить и зарабатывать очки да завоевывать авторитет среди сослуживцев. И он пришёл через месяц с небольшим.

На выход в море мой любимый и любезный замкомбрига О.В. Бутузов меня отпускал неохотно, хотя я всегда просился. В море люди познаются гораздо быстрее, к тому же море роднит и спланивает, как рентген просвечивает морские души. А Олегу

Васильевичу было проще, когда шустрый «комсомолец» находился рядом, как говорится, всегда под рукой. Но на состязательное траление на приз Главкомандующего ВМФ он не отпустить не мог. Это главное мероприятие боевой подготовки минно-тральных кораблей в учебном году. Итак, я на корабле, участвующем в этом важнейшем мероприятии в море в составе корабельной тральной группы базовых тральщиков. Учусь военно-морскому делу, изучаю устройство корабля, людей, район плавания. Штурман, вернее командир боевой части 1-4-Р, такой же выпускник, как и я, Тихоокеанского высшего военно-морского училища (ТОВВМУ) укачался и занемог. Бывает такое по первости и по неопытности. Я, недолго думая, взял прокладочный инструмент и стал вести прокладку, так как при определении оценки боевому упражнению важны все эти отчётные документы. Благодаря этому, в базу я вернулся уже не «зелёным летёхой», а начинающим мореходом! Этот случай мгновенно стал известен командирам кораблей, командованию соединения и меня стали уважать за профессионализм и компетентность в штурманском деле. Да, а этот офицер впоследствии был списан с плавсостава из-за морской болезни и нежелания служить на кораблях.

В то далёкое время я был стройным, подтянутым, абсолютно здоровым и сильным, как духом,

так и телом, а сильные, как известно, любят поесть! С этим у меня была в те года проблема: готовить я не умел, а порою и времени не хватало, поэтому всегда хотелось есть.

Выход нашёлся быстро. Лояльные и дружелюбные ко мне командиры кораблей стали из уважения к моей неуёмной и всегда голодной натуре приглашать меня на обед, а иногда и ужин, что было особенно актуально, к себе в кают-компанию офицеров. Скоро это стало ритуалом, который проходил следующим образом: минут за 15-20 до начала приёма пищи мы-участники сего действия собирались на причале, каждый из командиров докладывал, что у него на обед и, прослушав всё меню, мы решали на какой корабль идёт наша «могучая кучка» холостяков, в том числе и «оловянных» (так назывались офицеры чьи жёны находились за пределами гарнизона по разным причинам). Далее после «мытья рук», что на флоте означает совсем не эту привычную всем процедуру, а употребление 50 граммов спирта для аппетита, мы активно приступали к приёму пищи. Особо не разглагольствуя, если это был обед, чтобы успеть отдохнуть в «адмиральский час». Отдельно хочу сказать о нашем предводителе – «Клуба холостяков». Данный офицер заслуживает особого внимания дорогие читатели, так как он дважды рождённый, причём второй раз прямо посредине

Индийского океана. Этот человек (в то время капитан-лейтенант) командир БТ-103 Владимир Георгиевич Степанов. Будучи у него на званном обеде, я увидел у него над кроватью морскую карту, где в самом центре Индийского океана был красным цветом изображён как бы барахтающийся человечек. На мой вопрос: «Кто это и что это?» Владимир Георгиевич как-то буднично мне ответил: «Это я купаюсь в океане...» Конечно, я сразу же пристал к нему – расскажи да расскажи. Вот, что мне стало известно об этом случае из его уст. Будучи помощником командира корабля и отстояв свою вахту с нулей до четырёх часов (в народе – «собачья вахта»), Владимир Георгиевич решил подышать свежим воздухом перед сном, так как очень устал, а тут внезапно накатила океанская волна и он мгновенно оказался за бортом...Можете себе представить: южная тёмная-тёмная ночь, бушующий океан, и ты уставший за бортом, а корабль посвечивая ходовыми огнями медленно, но уверенно удаляется от тебя в ночь. Опускаю суету, шок, ахи и охи о пропаже помощника командира на корабле просто сообщая прошло *УЖЕ четыре часа!* Всё это время Владимир плыл за кораблём в окружении, представьте себе, акул. Зрелище не для слабонервных! Но он выжил и был спасён своим лучшим другом командиром корабля Владимиром Дмитриевичем Койковым, которому со

всех сил помогали: штурман Олег Исаев и механик Вячеслав Родионов. Вот что такое флотская служба и дружба! За этот драматический случай вместо награды за успешное выполнение задач боевой службы В.Г. Степанова изрядно, говоря по-флотски, «отодрали» и потом не раз напоминали о несанкционированном покидании корабля в океане... Но несмотря на эти и другие превратности судьбы, Владимир Георгиевич по праву стал командиром нашей 7-й бригады тральщиков – предел мечтаний для многих флотских офицеров. Однако, его офицерская судьба сделала ещё один сногшибательный кульбит. Одному высокому начальнику захотелось, чтобы жена комбрига жила вместе с комбригом в Разбойнике! И всё тут, хотя там школа была только начальная и работы для жены практически никакой. Да и жёны в общем невоенные. За что им страдать? Ан нет – жить там, где сказано. Как результат этого события В.Г. Степанова снимают с анимаемой должности и назначают с понижением, но, правда, в Феодосию. И вот уже на Черноморском флоте его оценили по заслугам: присвоили капитана 1 ранга, назначили на вышестоящую должность. А я в свою очередь рад за своего сослуживца и желаю ему долгих и счастливых лет жизни в древней и красивой Феодосии, где летом 2018 года мы встретились, через 42 года с той «разбойничьей» поры, с уважаемым

и любимым мною с тех давних времён предводителем «Клуба холостяков» Разбойника. Это не забудется мною до конца моей жизни. Спасибо, Володя, за тёплый приём и память о тех далёких лейтенантских днях.

Были и другие прелести захолустной гарнизонной жизни: рыбалка (зимой к нам на ловлю корюшки приезжали из Владивостока по 100 и более человек), сбор грибов, дикого винограда, стрельба из мелкокалиберной винтовки по фазанам и воробьям, игра в нарды, работа над собой (ведь ходить куда-то не было нужды и не было куда, что к тому же оберегало от соблазнов «Большой земли»). Немного остановлюсь на игре в нарды. Эта вторая по интеллекту, как говорят на флоте, забава, после перетягивания каната, приняла чрезвычайный размах. Её ещё иногда называли «коша», шашбэш (шишбеш). Итак, об игре. Я, конечно, вначале был «мальчиком для битья». Особенно любил «надирать» меня в «адмиральский час» в нарды комбриг Л.В. Воробьёв, который заходил иногда к нам в офицерское общежитие (в народе бунгало) посмотреть, как мы живём и чем дышим. Кстати, догадайтесь с трёх раз, кто был «комендантом» этого общежития? Как-то раз Леонид Вячеславович очень жёстко надо мной «поиздевался», и я дал себе слово обыграть его. Моим тренером и учителем, старшим товарищем и другом, наставником

и опекуном был флагманский специалист радиотехнической службы капитан 3 ранга Владимир Антонович Смаглюк. Он много помог мне в моём офицерском становлении, учил меня жизни вплоть до моего убытия к новому месту службы, да и забегая чуть вперёд, он же встретил меня на Русском острове после девятимесячного плавания в Индийском и Тихом океанах. Кто ходил на боевую службу, тот меня поймёт. Это очень трепетный психологический момент важный для любого моряка. Так вот, всё своё свободное время я его уговаривал поиграть со мною в нарды. В конце концов я стал кое-что соображать в этой древней восточной игре, а не только двигать шашки. Буквально через неделю после моего «разгрома» комбриг решил ещё раз «наказать» меня, прибыв к нам с «визитом» отдохнуть за чашечкой кофе и игрой в нарды в «адмиральский час». Офицеры штаба, словно почувствуя сенсацию, собрались поглазеть на «бой быков». Увы, на сей раз Леонид Вячеславович Воробьёв был мною «разгромлен», проиграв все партии. Это вызвало у него сильное недовольство, да так, что и доска с фишками была перевернута. Однако, с этой поры я перестал быть «мальчиком для битья» в игре в нарды.

Так и проходила моя лейтенантская жизнь бурно, но пресно и безрадостно. Чтобы не свихнуться от тоски и скуки, я, практически, каждые выходные

придумывал для своих комсомольцев какие-то конкурсы, игры, соревнования, турниры. Это разгружало офицерский состав кораблей, а мне добавляло авторитета среди всех категорий личного состава, так, как и морякам – срочникам было тоже тоскливо в тихом Разбойнике.

Моя активность и инициатива проявлялись и в вышестоящих органах военного управления. Очень скоро, где-то месяца через два-три моей офицерской службы я стал штатным выступающим на мероприятиях разного плана и уровня. Порою было неловко рассуждать мне, молодому лейтенанту, на актуальные темы жизни и службы в присутствии офицеров, едва ли не годящихся мне в отцы. Вот с какими знаниями мы приходили мы на флот после училища плюс ещё самосовершенствование, любознательность и масса свободного времени в глухомани для развития. Из той давней «разбойничьей поры» хочу вспомнить эпизод моей службы на Русском острове.

Остров Русский

Итак, остров Русский. Там дислоцировался дивизион кораблей резерва или консервации, в народе говорили – «консерва». На соединении произошёл серьёзный провал с воинской дисциплиной и преступностью, организацией службы и общим

состоянием дел. За это – всё командование сняли с занимаемых должностей и вновь назначенному командиру дивизиона нужны были помощники для исправления создавшего положения дел. По решению командования бригады меня, молодого лейтенанта, послали туда для организации воспитательной работы с личным составом и укрепления воинской дисциплины. Это было большим доверием ко мне, ну и, конечно, серьёзным испытанием для меня. Но я был чрезвычайно рад этому событию, так как это новые впечатления, перспективы, ну и возможность немного развеяться, вдохнуть культурной жизни – Владивосток был рядом, всего лишь минут 40-50 на пароме или служебном катере (в зависимости от обстановки). Было очень приятно походить по улицам, прокатиться на трамвае или автобусе, да просто ощутить себя городским жителем после дикого Разбойника...Менее чем за месяц управяемость дивизиона была восстановлена, и меня хотели назначить, по настоятельной просьбе командира дивизиона, его заместителем по политической части, на должность выше рангом, чем занимаемая мною. Это было продвижение по службе, да к тому же командир дивизиона не хотел меня отпускать в Разбойник, всячески уговаривал меня остаться. Но тут уже я воспользовался своей близостью к комбригу и настоятельно попросил его вернуть

меня назад. Заручившись его поддержкой, я практически сбежал обратно в свой «любимый» и уже родной Разбойник. Представить себе свою службу на берегу, а не в плавсоставе в те годы я просто не мог. Тем более служба моя только началась и уходить на «пенсионную» должность у меня не было никакого желания. К тому же я мечтал о морских походах, об океанских плаваниях и даже подвигах во славу Отчизны.

Последнее в этом эпизоде: Русский остров был немногим лучше Разбойника. У нас было центральное отопление, канализация, а на острове – печное отопление, вода из колонки и удобства на улице. Цивилизация там была не везде! Никто из нас, проходивших службу на Тихоокеанском флоте в те годы, не мог представить себе, что будет на острове и во Владике (так называют любя город местные жители) в наши дни, какой красавец мост будет построен через бухту Золотой Рог на Русский, а сам остров станет студенческим кампусом известным на весь Азиатско-Тихоокеанский регион и на нём появится дельфинарий мирового уровня с тропической флорой и фауной.

В 70-е годы прошлого века во Владивостоке попасть в театр, кино, ресторан, снять номер в гостинице, побывать на значимом концерте или спектакле было практически невозможно, ну во всяком случае очень проблематично, но фраза

я «из Разбойника» открывала все двери. Вот ещё один плюс нашего «медвежьего угла».

Шиманский В.Р.

Очередной радостью нашего «разбойничьего» житья было возвращение со схода из Владивостока. Сначала электричкой до Шкотова, а от Шкотова до Шемеузы поездом, который шёл до Конюшкова. Поездка проходила быстро, бодро и весело. Все возвращались с отдыха, из большого города, с ворохом новостей. Так за разговорами, обменом информацией мы приезжали в Шкотово и сразу же бежали в станционное кафе «спрямиться» или взбодриться, как кому больше нравится, и перекусить. В приподнятом настроении и прекрасном расположении духа мы приезжали в родной гарнизон и иногда продолжали веселиться, чревоугодничая за столом, у кого-нибудь из семейных. Порою данное мероприятие заканчивалось с первыми петухами. Таковые имелись в посёлке, в частном секторе, который насчитывал домов десять-двенадцать! Как-то раз с моим любимым командиром Владимиром Ричардовичем Шиманским мы после дружеского застолья расстались только утром и то нехотя. Володя ещё старшим лейтенантом был назначен командиром морского тральщика «Заряд». А до этого он покомандовал двумя проектами базовых тральщиков. В то время

штатная категория командира базового тральщика была «капитан-лейтенант», а морского тральщика «капитан 3 ранга». И обычно так и проходила служба командиров тральцов: сначала командир базового тральщика, а затем командир морского тральщика. Отсюда видно, что это был за офицер, какими способностями он обладал, раз уже старшим лейтенантом, после командования двумя меньшими по рангу кораблями, его назначили командиром морского тральщика. Стать командиром корабля на флоте задача непростая, требующая от офицера обширных знаний из разных областей и, конечно, командных, морально-волевых качеств, которые вырабатываются годами. Прав был один из наших флотских начальников, который сказал: «Командир – центральная фигура на флоте». Однако, вернёмся к командиру «Заряда», Владимиру Ричардовичу Шиманскому (в народе Шим). Это был образец командира, как по знаниям, так и по внешнему виду. Особым шиком у Володи Шиманского были золотые запонки на белоснежной рубашке под китель, обшитый изнутри красным бархатом, а китель, как и пилотка, во все времена в плавсоставе был любимой формой одежды! Неслучайно, он одним из первых командиров морских тральщиков бригады убыл на боевую службу в Индийский океан самостоятельно в звании «капитан-лейтенанта»! Несмотря на более чем 40 лет, прошедшие с той нашей лейтенантской

пору, капитан 1 ранга Шиманский Владимир Ричардович по-прежнему такой же импозантный, статный и стройный, а главное порядочный, честный, надёжный, преданный Родине и верный Присяге офицер! Он мне очень помог в годы моего офицерского становления. И я очень сожалею, что мне не удалось послужить вместе с ним на корабле (он предлагал мне, но не отпустили старшие начальники) или соединениях, которыми Владимир Ричардович командовал чуть позже. Спасибо тебе старый, надёжный и верный друг за учёбу, поддержку и пример верного служения Родине!

Хочу ещё несколько слов из той поры посвятить одному самому преданному мне существу – моей любимой «Ленке». Это была небольшая собачка неизвестной породы, которую я подобрал в подъезде дома, где жил командир бригады Леонид Вячеславович Воробьёв, в посёлке Тихоокеанский (ныне г. Фокино). Мы быстро привязались к друг другу и не могли надолго расставаться. Она ни на минуту не покидала меня. Ходила гордо и чинно рядом со мной на службу в штаб бригады, офицерскую столовую, где все управление бригады подкармливало её исключительно мясом, а кости ей на ужин или завтрак заботливо собирала в пакетик повараха. Мою «Ленку» любили практически все в гарнизоне, за редким исключением. Особенно её обожали дети, но об этом чуть позже. Были и такие, которые

жаловались начальнику гарнизона (командиру бригады): «Что это себе позволяет какой-то лейтенант в присутствии старших? Ходит с какой-то дворнягой в столовую офицеров! Обнаглел совсем!» На что начальник гарнизона, он же командир бригады, ответил жалобщикам: «Не нравится. Не ходите в столовую, а лейтенанту я разрешил быть на приёме пищи с собачкой...» По происшествии многих лет я понимаю, как по-отечески относился ко мне командир бригады Леонид Вячеславович Воробьёв. Его уже нет на этом свете. Вечная ему память! Он навсегда останется в моей душе...Я уже не говорю о своём непосредственном начальнике, заместителе командира бригады по политической части О.В. Бутузове. Олег Васильевич прибыл на Тихоокеанский флот с «седой» Балтики, города Таллина. Семья его жила во Владивостоке, а он «холостяковал» в Разбойнике и «мешал» мне жить, как я хотел. Например, приказал завести мне сберкнижку и докладывать ему сколько на ней денег. Какое нарушение прав человека? Вы, конечно, понимаете, что я шучу, но это чистая правда! Потом на «сбережённые деньги» я сыграл свадьбу. Вот такой был «жестокий» мой шеф. Так как он ночевал в основном в своём кабинете, то и меня до поздна держал при себе в штабе. На мой резонный вопрос: «Прошу добро на сход? Время уже 19.20 часов или того больше» Олег Васильевич отвечал: «Ну, что тебе там делать одному в пустой

квартире?» Я отвечал – отдыхать. На что мой добрый начальник предлагал мне попить дефицитного кофе, сладости, покурить, всё, что угодно лишь бы я не уходил. Думаю, ему было, наверно, скучно и грустно. За эти мои бдения он был за меня горой, как мог баловал, щедро делился своими знаниями и служебным опытом. За недолгое время нашей совместной деятельности он ни разу на меня не повысил голос, хотя бывало за что. Ни разу не сказал, что-нибудь грубое или отрицательное в мой адрес. Вообще он был очень добрым. Я бы даже сказал мягким. За что и страдал. Его постоянно критиковали, наказывали, не присваивали очередное воинское звание, якобы за недостатки и состояние дел на соединении, а на самом деле за его молчание и терпение, схожие с безразличием, что всегда раздражало вышестоящее командование! Бывали случаи, когда я защищал его от нападок, ретивых проверяющих и «воспитывал» его подчинённых за него. А ведь именно таким и должен быть офицер, отвечающий за личный состав, его боевой и моральный дух. Низкий поклон моему замечательному, доброму учителю и наставнику моих первых лет офицерской службы.

«Ленка» и шеф

Однако, вернёмся ещё раз к моей верной «подруге», моей дорогой «Ленке». Как я уже упоминал,

её очень любили дети посёлка. Наше «бунгало» ... не закрывалось (пока не пропал один альпак-куртка на разворсованном сукне с болоньевым верхом). Этим и пользовались дети. Только задремлешь – они тут как тут, просили поиграть с ней на улице. Собака была удивительно умной и преданной. Без моего разрешения никуда! Несмотря на добрый и покладистый характер моей собачки, был у неё один непримиримый «враг» – начальник штаба бригады Михаил Иванович Свиридов, впоследствии контр-адмирал и мой начальник по специальности на Северном флоте, где мы с ним встретились через много лет. Но об этом чуть позже. Так вот, находясь у меня в кабинете за закрытой дверью, она неистово лаяла на Михаила Ивановича, когда тот проходил по коридору, хотя я всячески умолял её сидеть тихо, но неприязнь у них была взаимной. Каждый раз после этого я получал, что положено подчинённому от недовольного начальника и требование убрать немедленно эту суку из штаба. Я говорил есть и...не выполнял. Каждый раз переживая за случившееся. Здесь я вынужден немного забежать вперёд относительно временной хроники моего повествования.

10 марта 1977 года я один из первых с нашего выпуска резко убыл на боевую службу в составе Индийской эскадры. Меня не было в Разбойнике почти десять месяцев. Моя «Леночка» дважды

стала «мамой». И вот когда мы с ней встретились через много месяцев в нашем подъезде, то после её минутного замешательства бросились к друг другу и...оба заплакали, стали друг друга целовать! На моё требование – домой, она, чуть поколебавшись, пошла за мной, хотя там, где она находилась в период моего отсутствия ей было комфортно, И, последнее. Когда я убывал к новому месту службы в Хабаровск, она плакала второй раз и бежала за машиной километра 2-3. Недаром в народе говорят – собака друг человека. Я это знаю точно!

Боевая служба – крещение океанами

09 марта 1977 года я получил приказание срочно убыть во Владивосток, так как 10 марта утром корабли уходят в океан в длительное плавание. Мне предстояло уйти в моря на одном из кораблей. Вот так по щелчку я ушёл на боевую службу на девять месяцев! На сборы у меня было всего 4-5 часов. Вот чем ценны холостяки для флота! Как назло, эта вводная застала меня в другом гарнизоне (я проверял подготовку морского тральщика к длительному плаванию). До Разбойника километров двадцать!!! Дилемма?! Принимаю решение бежать до КПП там должен был идти автобус до Конюшкова через Разбойник. Действительно, автобус пошёл к КПП, но мне оставалось метров 600-800,

естественно, не успеваю, но судьба сжалилась надо мной. Из-за отсутствия каких-то документов у бригады рабочих автобус задержали, и я буквально заскочил в него, когда он уже трогался. Пот катился с меня градом, я дышал как загнанная лошадь, но успел. Первый барьер был преодолен.

В Разбойнике меня ждали и даже за меня собрали в плащ-палатку мои личные вещи, которые были принесены в кабинет замкомбрига О.В. Бутузова. Мне осталось собрать чемодан с формой и личными вещами. После в магазине я купил фотоаппарат, набрал мыла, зубной пасты, шампуня и прочих мелочей, а также сигарет, чая, сладостей и, наскоро попрощавшись с командованием и сослуживцами, убыл на машине командира бригады в посёлок Тихоокеанский в надежде успеть на последний автобус Находка-Владивосток. Но, увы, я увидел лишь его огни, когда он выезжал из гарнизона, поднимаясь на горку. Нас таких опоздавших набралось несколько человек, и мы, сбросившись по десять рублей, уехали во Владивосток на такси! Второй барьер был также в целом пройден. Ровно в полночь я прибыл в Политуправление Тихоокеанского флота, где самое удивительное меня не ждали...? Правильно говорят в народе: всякому большому делу присущи суматоха, неразбериха, наказание невиновных и награждение непричастных. Опускаю мои мытарства при хождении по штабам,

отдохнуть?! Прямо на мой День рождения – первый День рождения на флоте в Индийском океане, в Сомали! Согласитесь, это всё-таки экзотично: встретить двадцать второй год жизни в таком месте, среди дельфинов и розовых фламинго. Почётным эскортом и многочисленной стаей дельфины сопровождали наш корабль вплоть до узкости, а фламинго в огромном количестве встречали нас на отмелях и у береговой черты!

Что запомнилось из визита в сомалийскую Берберу?

Это сонм попрошаек и воришек, дешёвых проститутток и ужасающей нищеты подавляющей части населения, а также его лень и бесцельное времяпровождение мужского населения где-нибудь в тени кафешек, расхлябанность военных. Например, они могли, взяв за дуло автомат, волочить его по земле... Их корабли были безлюдными. Время от времени на них или из них появлялись военнослужащие в полусонном состоянии и так же незаметно исчезали. Вот откуда появились сомалийские пираты!

По приглашению наших коллег из пункта материально-технического обеспечения сходили в баню. Как вам такой расклад: на улице +43°C, а в парилке +103°C? А также сыграли в футбол с тамошними военными. Наверное, это было слишком. Почти неделю корабельные футболисты еле-еле передвигались – болели практически все мышцы, в том чис-

ле и у меня, так как я тоже принял участие в этом мероприятии. Затем началась война между Сомали и Эфиопией. Мы оказались как бы между двух огней, так как мы дружили с обеими странами. Особенно было нам не по себе, когда сомалийцы, вдруг проснувшись, стали требовать от нас топлива для своих кораблей, чтобы идти воевать с агрессорами, то есть эфиопами...Учитывая эти факторы, мы покинули Берберу без особого сожаления. Отдыха не получилось, да и спать мы там не могли из-за сильной жары. Для того, чтобы заснуть нужно было намочить в душе простынь и вот пока она мокрая – можно было спать, а она высыхала минут через 40-50 и нужно было повторять данную процедуру снова...

Далее было Красное море – демонстрация флага и охрана судоходства и деловой заход в Аден, бывшую столицу британских колоний в Индийском океане. Город очень понравился. Он располагался в кратере потухшего вулкана, на перекрёстке торговых морских путей. После сомалийской Берберы Аден казался Сингапуром! Очень жаль, что в последние годы он подвергался бомбардировкам и разрушениям сначала в гражданской войне, а затем в войне с Саудовской Аравией.

После коротких учений и рейдовых сборов у Сокотры мы получили приказ следовать в Мозамбик, порт Накала и опять мне пришлось пересекать экватор, что является значимым у всех моряков! Цель

нашего визита – предотвращение нападения ЮАР на молодую республику Мозамбик, где уже разгоралась гражданская война. В порт мы заходили с лоцманом, который не мог с нами общаться, так как он знал неизвестный нам язык. Да и вообще был ли он лоцманом? Одним словом, зашли мы в порт самостоятельно, а лоцман молча стоял в сторонке на главном командном пункте корабля и пил кофе или чай (я уже точно не помню). Самые яркие впечатления от посещения Мозамбика — это яркие цветы на голых ветках (июль месяц там середина зимы), встреча с губернатором провинции Нампула, посещение первого колхоза имени Карла Маркса, а также встреча с моряками польского сухогруза капитан, которого участвовал в сопротивлении немецким оккупантам. Как всё изменилось? До сих пор задаюсь вопросом на этот счёт. Ведь, действительно, мы дружили и уважали друг друга!

Вместо двух недель мы пробыли в Накале почти месяц по настоятельной просьбе правительства республики. Войну отодвинули, дружбу между нашими странами укрепили. В отличие от Сомали народ Мозамбика очень трудолюбив. Их дома и деревни выглядят очень чистыми и аккуратными, даже рядными и в каждом населённом пункте есть футбольное поле. Неслучайно известный футболист мира Эсейбио был родом из этих краёв. И ещё что запало мне в душу в этой африканской стране: на

улицах маленькие дети везде танцуют. Не играют в классики, скакалочку, резиночку и т.д., а именно танцуют, припевая и прихлопывая. Вот почему они такие пластичные и координированные. В сегодняшнее время наши дети и внуки тоже не играют в эти игры. Всё заменили гаджеты и компьютеры, на худой конец тренажёры...

Далее путь наш лежал на Маврикий, но уже почти у острова нас завернули в сомалийский порт Кисимайо, который знаменит тем, что там проходит сухопутный экватор и через него обычно вручную переталкивают автобус. Мы мечтали также провести этот ритуал, но из-за сложности обстановки командир эскадры (вице-адмирал Н.Я. Ясаков – в народе «Ясак паша») запретил нам это мероприятие. Но всё же одна поездка за пределы порта на рыбалку состоялась. Там в джунглях по дороге на залив у нас произошла встреча со стадом орангутангов, которая закончилась для нас благополучно. Нам потом объяснили знатоки, если бы мы их напугали, то нам бы несдобровать – они бы как консервную банку сплющили наш микроавтобус.. Там мы набрали массу тропических раковин (каурии и рапаны). И ещё один эпизод из нашего пребывания в Кисимайо. Рядом с нами стоял итальянский банановоз, а у него сломался главный двигатель, и команда сухогруза завалила наш корабль бананами. Этими тропическими фруктами

моряки наелись досыта, за что спасибо и сейчас итальянским морякам.

После Кисимайо связь с берегом для меня и экипажа была прекращена. То есть с начала августа по 05 декабря 1977 года мы на берег уже не сходили и видели его только в бинокль. Более двух месяцев с сентября по середину ноября, то есть до ухода в Союз, мы выполняли задачи универсальной обороны в Красном море и территориальных водах Сомали на рейде Ботиала. По пути домой (я уже был в экипаже «Тимофея Ульянцева») мы попали в жесточайший шторм, который продолжался почти двадцать дней. Это было тяжёлым испытанием для всех нас. Волны иногда перехлёстывали через ходовой мостик, смыли за борт несколько спасательных плотов, кока ошпарило из котла кипящей водой да так, что чуть парень не потерял самое дорогое, что отличает его от женщины, затопило румпельное отделение, появилась течь в корпусе, а кораблю исполнилось в океане двадцать лет! Крен доходил до 42 градусов, а угол заката у корабля данного проекта 45 градусов, то есть при достижении предельной величины – корабль просто переворачивался. Кроме крена был одновременно и дифферент до 20 градусов. Исходя из этого, мы перестали готовить горячую пищу и перешли на рыбные консервы шпроты, (а это был напомним 1977 год, достать в магазине их было непросто), сливочное масло, печёночный

паштет и чай. Вот так мы питались недели три. Когда я приехал в отпуск домой (это было 31 декабря 1977 г.), и мама достала баночку шпротов, купленную по знакомству с немалым трудом, а меня чуть не вырвало – после боевой службы я их не ел лет пять. Кроме того, в такую качку спать было невозможно, и мы, намочив газету, играли ночи напролёт в домино (тоже распространённая, вполне демократичная игра на флоте), вспоминали наш поход, делились впечатлениями и скучали по Родине, по обыкновенному русскому радио и русским песням. Вспоминаю, когда мы ушли из Накалы на юг, к Маврикию, то пропала русская речь и наш эфир. На корабле была какая-то гнетущая обстановка, осложняемая неизвестностью, нашей отдалённостью от основных сил эскадры. В то время мы были почти у ЮАР. Лишь магнитофонная трансляция русских эстрадных песен как-то разрядили сложившуюся напряжённую обстановку. Нечто подобное, но с обратным эффектом произошло при нашем входе в Японское море. До дома оставалось миль около четырёхсот (около 800 км). Во-первых, засветило солнце и на море установился штиль после жесточайшего шторма. Во-вторых, мы регулярно стали слушать любимое многими моряками и жителями Приморья радио для моряков и рыбаков Тихоокеанского бассейна. Как только мы его услышали на корабле раздалось громогласное ура! Неприятным

известием для нас было приказание обеспечить охрану у берегов Китая наших кораблей разведки на две недели. Это было очень тяжело, ведь мы уже рассчитывали быть дома, в родном Владивостоке. В это непростое время меня бодрил китайский воробей, залетевший в иллюминатор. Я его кормил, поил и лелеял, думал отдам его детям из детсада. После того, как он куда-то пропал, я горевал несколько дней, приставал ко всем, особенно к соседу по каюте (командиру электромеханической боевой части) не видели ли они моего воробья? Мои переживания и страдания через несколько дней прошли, хотя нет-нет, да и возникали вопросы – ну куда он делся? Лишь придя во Владивосток, я получил ответ на этот вопрос. Когда я доставал свои туфли из-под умывальника, оказавшиеся ненужными, так как ходить в них было невозможно (нога за время плавания раздалась в объёмах) – там и оказался мой бездыханный воробьишко, непонятно каким образом туда залетевший. Боевая служба расширила мой кругозор. Дала большой опыт работы в органе военного управления оперативно-стратегического уровня, способствовала знакомству и дружбе со многими людьми, оставила неизгладимый след в моей душе. А главное впереди у меня был первый лейтенантский отпуск продолжительностью 72 дня и незабываемое путешествие из Владивостока до Москвы на транссибирском экспрессе с кучей денег

и подарков. Во время поездки я своими глазами увидел какая наша Россия-матушка великая и могучая. Эти семь дней до Москвы потрясли меня не меньше, чем 276 дней боевой службы в океанской зоне!

Не буду упоминать о перипетиях моей судьбы и офицерской карьеры. Что было, то было, однако, я не участник этих событий. Неожиданно для всех, особенно для меня, я был назначен без представления на знаковую должность в Хабаровск на дивизию речных кораблей, как говорили в народе на «кривое море». Это был очередной крутой поворот в моей судьбе. И мне очень многие завидовали. Лишь по прибытии в Хабаровск я понял, что значит служить в большом городе, но всё равно для меня главным оставалась романтика моря и служебная карьера. Да по-другому и быть не могло, ведь мне было всего лишь двадцать три года...Понял я в чём дело много лет спустя, когда набрался житейского опыта и мудрости. Но долгие годы приоритетом для меня оставалась служба и военная карьера, а не бытовые удобства и «тёпленькие места». Я всегда комфортно чувствовал на корабле особенно в молодые годы. Это было причиной противоречий и разногласий в моей семье. Увы, с меня домострой никакой! Корабли и люди меня притягивали к себе, как магнит. И службу я всегда ставил на 1-е место, но перебирая в памяти прошедшее, думаю это не всегда было правильно...

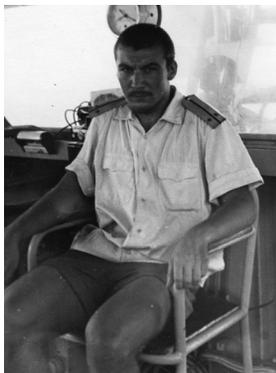

В Южно-Корейском море с офицерами ОСНАЗ

С уловом на коралловой банке. Индийский океан

На ходовом мостике сторожевого корабля

Курсом на Мозамбик, порт Накала

Служба в Хабаровске

Опять судьба моя и служебная карьера сделали резкий разворот в абсолютно неожиданном для меня направлении! Вместо океанских и морских дорог, как я ожидал после боевой службы, меня отправили служить на «кривое море». Так называли службу на пограничных реках Амур и Уссури на Тихоокеанском флоте. Узнав об этом назначении, я был сначала в бешенстве. Как так меня «морского волка» да на речку? Я считал, что меня предали мои отцы-командиры, а ещё больше меня раздражало,

когда некоторые офицеры штаба говорили, что я из «блатных». Дошло до того, что я пообещал: кто скажет что-то подобное – тому я дам по лицу! Злопыхатели затихли, так как у меня слова не расходились с делом. А причиной этого неожиданно кульбита, как я позже узнал, стала «драка» за меня среди командования военно-морской базы «Стрелок». Я дал согласие служить на Индийской эскадре, командование бригады хотело назначить меня на морской тральщик или дивизион базовых тральщиков, командование базы хотело видеть меня в тылу или у себя в политотделе. Но тут вмешался флот и случилось то, что случилось. Я оказался на дивизии речных кораблей в Хабаровске на должности помощника начальника политотдела дивизии по комсомольской работе.

Несколько слов о своём новом соединении. Дивизия речных кораблей была преемницей Краснознамённой Амурской флотилии, воспитавшей восемь Героев Советского Союза! Таких соединений в 70-80-х годах на Тихоокеанском флоте не было! Ещё одной особенностью дивизии было её пограничное положение. Из более чем 5000 километров зоны ответственности дивизии – 3800 км приходилось на границу с Китаем. Во время моей службы на соединении с апреля 1978 года по август 1982 года обстановка на пограничных реках Усури, Амур, озеро Ханко была мягко говоря

неспокойной. Мне очень повезло, что я побывал во всех гарнизонах, где базировались корабли дивизии (Камень-Рыболов, Дальнереченск (Иман), Благовещенск и, конечно же, Хабаровск). С первым соединением дивизии – отдельным дивизионом бронекатеров, дислоцирующемся в Дальнереченске, моё знакомство началось буквально через несколько дней. Расскажу об этом несколько подробнее. Почему-то меня всегда торопили и события, и начальники, и ещё какие-нибудь обстоятельства. А на самом деле всё это было ни к чему или просто зря, вполне можно было бы обойтись без этой невротрёпки и никому не нужной спешки. Наверное, многие, кто служил, сталкивались с такими военными: перестраховщиками и суетливыми торопыгами-угодниками, которые своей вот этой «бурной деятельностью» изображали из себя незаменимых и ценных кадров. Этим самым они маскировали свою и недалёкость, и никчёмность...

Итак, первая проверка и знакомство с соединениями дивизии...Но для начала предыстория. Меня чуть ли не пинками флот и военно-морская база «Стрелок» выталкивали из Разбойника к новому месту службы. Каждый день звонили и интересовались убыл ли я или нет в Хабаровск? Как и на боевую службу я в пожарном порядке собирался к переезду за сотни километров. Пришлось бросить много личных вещей или раздать

сослуживцам, а багаж мой пришёл через полгода, когда вот-вот должна была начаться зима. Из-за этой спешки я толком и не попрощался с людьми, с кем начал осваивать азы офицерской службы и самостоятельной жизни... Умчался я в Хабаровск в плащ-пальто и фуражке, а там ещё были и метели, и морозы. На меня смотрели многие офицеры, как на инопланетянина! Ведь зима заканчивалась в Хабаровске через месяц с небольшим... Но самое главное было то, что когда я доложил о своём прибытии, то мне в ответ сказали – почему я так рано приехал??? Мы тебя не ждали. Офицер, которого я менял, находился в отпуске (у него умер отец)! Ну и я, в связи с этим, две недели находился за штатом, то есть получал денежное довольствие не в полном объёме, не говоря о том, что за боевую службу, мне сделав перерыв службы на Дальнем Востоке, не платили положенные надбавки за отдалённость. Прослужив почти два года в отдалённой местности, я получал денежное довольствие, как только прибывший на Дальний Восток офицер! То есть за выполнение задач боевой службы меня выводит наказали «умные» финансисты (в народе – «финики»). Лишь благодаря настойчивости моего старшего товарища В.А. Тигулёва, я восстановил свои права на положенные мне выплаты и с перерасчёта купил себе дублёнку! Вот с той поры я никогда не доверял финансистам, они никак не защищали

наши интересы и при возможности чего-то не добавить, вовремя не заплатить – делали это, даже будучи в приятельских отношениях. И чтобы ещё больше запутать нас, я думаю, они же специально отменили расчётные книжки, где было всё прописано: какой оклад, какие надбавки, какие вычеты и легко всё можно было проверить своё денежное довольствие! Однако, вернёмся на грешную землю. Чтобы я не грустил и не скучал, меня буквально через несколько дней отправили в командировку в упомянутый Дальнереченск (Иман) в составе комплексной группы офицеров штаба и политотдела на итоговую проверку за зимний период обучения. Она имела для меня очень серьёзные последствия, как положительного, так и отрицательного значения. Положительным было то, что меня приняли за своего офицеры штаба дивизии. С этой командировки я со многими штабными офицерами крепко сдружился, хотя многие офицеры мне годились едва ли не в отцы!

Теперь о негативном. В Дальнереченске заместителем командира по политической части служил мой большой друг по училищу Купесбай Оразбаевич Жампиисов (на год раньше меня по выпуску). Мы с ним в курсантские годы гоняли в баскетбол, да и так тесно общались. Секретарём комитета комсомола дивизиона был его однокашник киевский суворовец Николай Стеблина тоже

мне хорошо знакомый, брат-кадет. Мы не виделись около 3-х лет... В конечном итоге проверка завершилась в моём гостиничном номере, где мы, естественно, употребили известную «менделеевскую микстуру» и это стало известно начальнику политотдела дивизии, который подъехал спустя день в Дальнереченск. По приезду в Хабаровск за этот случай мне досталось на орехи по первое число, как говорят в народе, по самое не могу, ну и послужило хорошим уроком на всю оставшуюся мою жизнь и службу!

Потом, повзрослев и достигнув определённых служебных высот, закончив академию, мы с Купесбаем Жампиисовым служили на Балтийском флоте (он замкомандира по политчасти ракетного крейсера «Грозный», а затем начальником политотдела дивизии ракетных кораблей в Балтийске, а я заместителем начальника политотдела бригады кораблей охраны водного района в Риге). Дружба наша и общение возобновились снова. Когда я был в

Балтийске, если позволяла обстановка, то обязательно заходил в гости к нему домой или на корабль, перекусить или попить кофе, чаю. Дома нас встречала гостеприимная хозяйка, жена Купесбая Зинаида всякими вкусностями и разносолами. Особенно мне нравился облепиховый сок у Жампиисовых. За наши посиделки, разговоры про жизнь, детей я выпивал минимум 3-х литровую банку. Были

Купесбай с Зиной и у нас в гостях в Риге, когда они отдыхали в военной санатории «Майори». Затем наши пути-дороги снова разошлись на долгие годы, почти на двадцать лет. Я был назначен на Северный флот начальником политотдела, а К.О. Жампиисов в 90-е годы убыл к себе на Родину в Казахстан, где занимал видные должности в военных структурах государства, а сейчас возглавляет Комитет ветеранов войны и военной службы Алматы, является заместителем председателя Алматинского городского совета ветеранов, а также членом правления республиканского общественного объединения «Совет мира и согласия». И буквально на днях провидение нас вновь свело: Купесбай Оразбаевич прибыл во главе делегации Казахстана на 75 –летие снятия блокады Ленинграда. Благодарю судьбу, которая щедро делает мне такие подарки! А тебе старинный и верный друг – долгой и счастливой, благополучной жизни! Я очень-очень рад, что ты у меня есть!

Упомяну ещё одну характерную деталь из особенностей прославленного, боевого соединения: располагалось оно в 2-х часовых поясах. Такого больше в ВМФ СССР не было, по крайней мере я не слышал. Командовал в то время дивизией боевой контр-адмирал Александр Николаевич Аполлонов (в народе «папа Апа»). Александра Николаевича знал весь ВМФ, как грамотного умелого командира,

так и хорошего воспитателя офицерских кадров, прошедшего все ступеньки командирской власти. Особо отличился Александр Николаевич при боевом тралении в Суэцком заливе. Свой полный драматизма и крутых поворотов командирский путь контр-адмирал А.Н. Аполлонов завершил в городе Пушкин в Высшем военно-морском инженерном училище, заместителем начальника училища.

У меня лейтенанта и строгого адмирала сложились очень тёплые взаимоотношения. Он всегда находил время пообщаться с молодёжью, комсомольцами, во всём оказывал мне содействие и поддержку, даже угощал меня московскими конфетами «Мечта» в своём кабинете. Он также подтолкнул меня пришить на шинель каракулевый воротник, вспомнив о своей холостяцкой молодости, что мною было исполнено буквально через неделю за 70 рублей (при денежном довольствии в 228)! Увидев меня в такой шикарной шинели, Александр Николаевич хотел было меня подвергнуть конфузности и обструкции, но я ему напомнил его же слова, на что он сказал – а где же каракулевая шапка? Я не моргнув, ответил: «Денег не хватило. Сошью чуть попозже». Но всё же я немного получил за финские сапоги. Однако, я в своё оправдание сказал, что 46 размера ботинок нет, приходится обувь себе покупать. На том мы и расстались в тот раз. Что ещё хочется сказать об этом неординарном человеке,

вспоминая времена сорокалетней давности. Адмирал терпеть не мог на корабле фуражек – только пилотки. Не дай бог ему попасться на глаза на выходе корабля в фуражке!!! В руке у него всегда был мелок, которым он писал замечания на надстройках, бортах и других местах, чем больше замечаний, тем хуже оценка за выход. В конце 2018 года мы отмечали 110 лет Амурской флотилии и контр-адмирал А.Н. Аполлонов был в первых рядах ветеранов-амурцев и вручал памятные награды достойным. В свои 88 лет Александр Николаевич бодр и полон планов. От души желаю ему доброго здоровья и хорошего настроения.

Под статью ему были и начальники политотдела, кстати, однофамильцы Селивановы: Георгий Акимович и Александр Геронтьевич. Впоследствии оба стали адмиралами.

Георгий Акимович Селиванов службу закончил контр-адмиралом на Черноморском флоте, а Александр Геронтьевич Селиванов стал вице-адмиралом, Членом Военного совета Северного флота, депутатом Государственной Думы 1-го созыва. Вот какие у меня были учителя-наставники в Хабаровске! Особые слова благодарности хотел бы высказать Александру Геронтьевичу Селиванову, с которым мне впоследствии пришлось служить на Северном флоте, как и с контр-адмиралом М.И. Свиридовым. Но это уже другая история.

Добавлю только несколько слов про Александра Геронтьевича Селиванова. Он был сыном офицера-политработника, погибшего в 1941 году, через несколько месяцев после рождения сына. Так вот Александр Геронтьевич на долгие годы стал для меня и учителем, и наставником, и ангелом-хранителем, и маяком в бурном море жизни и службы. Вместе со своей женой Еленой (он звал её «Ёлкой») они воспитали и вырастили двух замечательных парней Сергея и Алексея, которые живут, кажется, в городе на Неве, в Северной Пальмире. Мне, конечно, очень бы хотелось лично выразить слова признательности за науку и участие в моей судьбе Александру Геронтьевичу, но лихие 90-е годы разметали нас. И все мои попытки найти моего мудрого начальника-наставника не увенчались успехом. И тем не менее благодарю Вас Александр Геронтьевич за всё то, что Вы сделали для меня!

Моя деятельность на поприще комсомольской работы в прославленном соединении завершилась в январе 1980 года. За это непродолжительное время я стал и кавалером Знака ЦК ВЛКСМ «За активную работу в комсомоле» и лауреатом Премии Хабаровского краевого комитета комсомола, лучшим комсомольским работником Тихоокеанского флота. То далёкое время было, как мне сейчас видится, временем расцвета и пика деятельности ВЛКСМ. Это и БАМ, и целина, и строительные

отряды, и бурное развитие Сибири и Дальнего Востока...Время, безусловно, было интересное, скучать молодёжи было некогда. Люди были заняты делом, молодёжи были открыты все пути-дороги. За это непродолжительное время я познакомился и подружился со многими молодёжными лидерами и руководителями Хабаровского края. Первыми секретарями горкома комсомола Ильей Владимировичем Поимцевым, Олегом Владимировичем Сливиным; Первыми секретарями райкомов комсомола города С. Мусохрановым, Г. Курочкиным, А. Соколовым (четырежды избиравшимся в нынешнее время мэром Хабаровска), С. Рогушиным. О последнем скажу более подробно. Станислав Александрович Рогушин – Первый секретарь ВЛКСМ Центрально-Городского района стал для меня и старшим братом, и лучшим другом на долгие годы. Последняя наша встреча состоялась в любимом Хабаровске в 2015 году, в конце мая, когда я отдыхал с супругой в военном санатории «Богдановка».

Тесные дружеские и служебные связи сложились у меня с комсомольским отделом Политуправления Дальневосточного военного округа. Возглавлял его капитан Каплин Вячеслав Алексеевич, а командовал округом генерал-армии Иван Моисеевич Третьяк (бывший командующий Белорусского военного округа во время моей учёбы

в Минском суворовском училище). Вот такие переплетения судьбы...

Добрые отношения были у меня и с Пограничным округом (майор А. Городинский), отдельной воздушной армии (майор А. Городищенский). В общем, как в песне поётся: «Комсомол – это не возраст. Комсомол – моя судьба!»

Офицеры политотдела дивизии были с огромным опытом работы, и все были на своих местах, кроме, пожалуй, одного – начальника партшколы, не буду называть его фамилию. Уверен, у каждого офицера были в период его службы и боевые друзья, порядочные люди и приспособленцы, лизоблюды-угодники. На этом поставлю точку, чтобы не загружать Вас, уважаемые читатели, да и себя тоже, отрицательными эмоциями. Перечислю всех, кого помню: А. Петрик, (впоследствии его сменил А. Давыдов, а его А. Новицкий), А. Прокопенко, А. Жигайло, В. Никифоров, В. Тигулёв (его сменил Юра Родионов – мой коллега по популярной музыке), И. Гриднев, А. Бурмистров. Начальник Дома офицеров – В. Максидов, Начальник матросского клуба – П. Кудрин. Мой самый близкий товарищ и наставник, коллега по холостяцкой жизни – спецпропагандист, капитан 3 ранга Владимир Алексеевич Тигулёв (впоследствии капитан 1 ранга, живёт в Москве), первый выпуск нашего училища. Также безмерная ему

благодарность за всё, что Владимир Алексеевич сделал для меня!

Не могу не вспомнить моих замечательных помощников-инструкторов по комсомольской работе: – старший мичман Олег Иванович Кабаков – исключительно добросовестный, порядочный, исполнительный военнослужащий. Закончил службу адъютантом начальника штаба Тихоокеанского флота во Владивостоке. Заядлый охотник и рыбак. Встреча наша во Владивостоке в 2017 году была тёплой и душевной. Всего хорошего Олег Иванович как в жизни, так и на охоте вместе с рыбалкой! Спасибо за нашу совместную службу.

– старший мичман Дроздов Владимир, кажется, Алексеевич грамотный, высоко подготовленный специалист, ставший впоследствии офицером.

Итак, в январе 1980 года я был назначен на должность заместителя командира дивизиона малых артиллерийских кораблей по политической части, с количеством подчинённых более 300 человек! К тому же они располагались на разных корпусах, а каждый корабль — это свой характер, свои обычаи и свои традиции...

Среди подчинённых было шесть старших офицеров (капитанов 3 ранга), а я имел звание старшего лейтенанта, как и командир дивизиона Николай Игнатьевич Шилов (ныне контр-адмирал). Начальником штаба-дивизионным штурманом

был капитан-лейтенант Александр Немиров, дивизионный артиллерист (в народе «Яшка артиллерист») - капитан-лейтенант Михаил Петрович Брагин, дивизионный связист- старший лейтенант, кажется, ОлегАнуреев, дивизионный механик капитан 3 ранга Владимир Иванович Ивацик, дивизионный специалист радиотехнической службы, бессменный секретарь партийного бюро штаба и управления лейтенант Николай Николаевич Толмачёв, дивизионный медик старший лейтенант медицинской службы Владимир Владимирович Ясинский.

Командир дивизиона Н.И. Шилов находился в заграничной командировке во Вьетнаме и прибыл к месту службы через полгода, мой предшественник из-за разных причин уже несколько месяцев отсутствовал на дивизионе, то есть вникать в обстановку пришлось самому и сходу, без раскачки, так как состояние дел требовало принятия необходимых экстренных решений. Безвластие опасно для воинских коллективов. Пришлось власть употребить, так как начальник штаба дивизиона наблюдал за всем происходящим со стороны. Здесь мне пригодился опыт моей деятельности на дивизионе консервации на Русском острове, хотя признаюсь было нелегко, временами трудно, были и ошибки. Очень не хватало командира. Как бы то ни было подчинённые всегда реагируют на должностное

лицо, поэтому командир есть командир. Он, безусловно, центральная фигура на флоте! С приходом Николая Игнатьевича Шилова дело с повышением управляемости дивизиона, улучшением воинской дисциплины пошло более быстрыми и главное нужными темпами! Закипела конкретная, боевая работа со всеми категориями личного состава. Хотя хочу признаться честно не сразу у нас всё стало гладко. С комдивом мы притирались к друг другу несколько месяцев. Мы оба были с амбициями, упрямыми и бескомпромиссными, честолюбивыми, но оба хотели одного, чтобы на соединении был порядок, и мы были лучшими. Вот так в борьбе за это мы сплотились, подружились и притёрлись на всю жизнь... Всегда рады встречам, взаимному общению и любым контактам. Спасибо тебе мой первый и глубоко уважаемый, любимый командир! Нам пришлось много пережить вместе, и я очень благодарен тебе, дорогой Николай Игнатьевич, за нашу совместную службу! Сейчас контр-адмирал в отставке Н.И. Шилов работает в Военно-морской академии имени адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, живёт в Санкт-Петербурге.

В это время моей настольной книгой стал Корабельный Устав ВМФ (КУ-78). К нему иногда добавлялись: РБП (Руководство по боевой подготовке), ПАСы (Правила артиллерийских стрельб), НБД (Наставление по боевой подготовке), РБЖ

(Руководство по борьбе за живучесть), Курсы подготовки артиллерийских кораблей. Чаще всего приходилось налегать на Дисциплинарный Устав и Устав внутренней службы. Некоторым подчинённым приходилось напоминать прописные истины и объяснять обоснованность требований к ним на основании статей руководящих документов. Это дало положительные результаты и при поддержке командира дивизиона мои указания не оспаривались никем.

Зимой (с замерзанием Амура) мы становились морскими пехотинцами и отрабатывали задачи обороны батальона морской пехоты, а с середины мая и по октябрь уходили в район боевой подготовки недалеко от населённого пункта Сарапульское (в километрах 120-130 вниз по течению Амура). В Хабаровск мы приходили на несколько недель на плано-предупредительный осмотр и плано-предупредительный ремонт в конце июня или в начале июля и на празднование Дня ВМФ.

План боевой подготовки был очень интенсивным. На один корабль приходилось по 28-30 боевых упражнений. Бывало мы с комдивом не спали по несколько суток, переходя с одного корабля на другой. Кроме всего прочего на корабли дивизиона, как самые современные, мощные по вооружению и водоизмещению, возлагались задачи боевой

службы на пограничной реке Амур. Что такое подготовить корабль к боевой службе сведущие люди знают, а для непосвященных скажу, что это очень хлопотное и ответственное дело, связанное с многочисленными проверками вышестоящих органов военного управления, бумажной волокитой, массой мероприятий организационного порядка и боевой подготовки. Вся эта многоплановая работа шла в общем русле боевой учёбы, приёмки новых кораблей от промышленности, подбору экипажей на новостройки, а также сбора металлолома..! Мне дважды доводилось принимать участие в составе Государственной комиссии по приёму новых кораблей от промышленности в состав ВМФ. Это скажу вам непростое мероприятие. Строители всегда пытались сдать новостройку с недоделками и недостатками. Им главное подписанный Акт приёмки корабля, а всё остальное потом. Иногда они слово держали, но были и другие случаи, когда они всё обещанное забывали сразу же после подписи акта приёмки.

Но вернёмся к боевой службе. Я трижды за время службы в Хабаровске участвовал в выполнении задач боевой службы как на Уссури, так и на Амуре. Довелось побывать на заставе И.И. Стрельникова в районе острова Даманского, вернее уже полуострова, так как китайцы соединили его дамбой с материком, чтобы окончательно снять

все вопросы об его принадлежности. Это было в 1979 году, в апреле. Там у меня состоялась встреча с майором Петровым (во время боевых действий на Даманском он был младшим сержантом и находился в соседнем окопе сержантом Бабанским – впоследствии Героем Советского Союза генералом Пограничных войск КГБ СССР). Он подробно рассказал о тех событиях, а начальник заставы показал секретный альбом о тех днях. Скажу честно, тот альбом был не для слабонервных, в нём были отражены издевательства соседей над нашими воинами (мёртвыми и живыми)...

Подводя итог, всему сказанному о моей службе в дивизии речных кораблей, могу сказать, что такой интенсивной боевой подготовки я больше не видел ни на одном соединении, где впоследствии мне пришлось служить. Упомяну только один факт: дивизион выполнял 80% артиллерийских стрельб дивизии, а дивизия определяла оценку по артиллерийским стрельбам Тихоокеанскому флоту!

Ну, и ещё один факт. Корабли дивизиона, которые строил Хабаровский судостроительный завод, были единственными в Советском Союзе. Их хотели все почему-то видеть, причём не только проверяющие ВМФ, но другие инспекции, прибывавшие в Дальневосточный военный округ. Практически ежемесячно мы кого-нибудь встречали и показывали нашу боевую мощь, мотая нервы и тратя силы...

*На партийной конференции дивизии
2-ой слева — А.Г. Селиванов, рядом — 1-ый секретарь
Краснофлотского РК КПСС Хабаровска, далее — вице-адмирал
В.А. Сабанеев и командир дивизии кап. 1 ранга А.Г. Курик*

*Комсомольская конференция дивизии.
Слева от меня — капитан 2 ранга В.А. Глумсков,
справа — командир дивизии А.Г. Курик*

*На сборах комсомольского актива, контрадмирал
А.Н. Аполлонов вручает мне грамоту*

*Встреча комсомольского актива дивизии с 1-ми секретарями
райкомов ВЛКСМ г. Хабаровска под руководством начальника
политотдела А.Г. Селиванова*

*С офицерами политотдела дивизии. Рядом со мной —
Тигулёв Владимир Алексеевич*

*Открытие отчётно-
выборной комсомольской
конференции соединения*

*Встреча с другом детства
В. Красновым, г. Хабаровск*

У КПП бригады с Ю. Сухоруковым

*На пограничной заставе
после товарищеской встречи по футболу*

Поступление в академию

На этом эпизоде своей жизни и службы хочу остановиться отдельно. Мне кажется, уважаемые читатели, это будет занимательно и интригующе-интересно!

Прослужив около двух лет в должности заместителя командира дивизиона малых артиллерийских кораблей по политической части, как говорится без выходных и проходных, будучи одним из лучших политработников дивизии и т.д., и т.п., я получил право, после моих настойчивых просьб, поступать в Военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Но так как решение о моём поступлении принималось очень долго, то сроки были упущены и мои документы пришлось везти нарочным с оружием и сопровождающим во Владивосток – накануне Нового года. Нарочным естественно был я. Начальник штаба дивизии, мудрый капитан 1 ранга Василий Деонисьевич Липко лично меня инструктировал и давал разрешение на поездку с оружием в командировку с секретным пакетом с соответствующим докладом по всем инстанциям до командования флота включительно! Этому весьма серьёзному мероприятию предшествовала целая эпопея событий. Начну по порядку.

Поступать в академию по своему профилю с дивизиона решили сразу три человека: командир дивизиона, дивизионный инженер-механик и я... Вот тут и начались первые препятствия. Меня поначалу не хотели отпускать, чтобы не «оголять» дивизион, поэтому решение по моей персоне затянулось до декабря при сроке в сентябре! Это был первый барьер, преодолеть который стоило немало усилий и сил, нервных клеток. Вот один из примеров преодоления первого барьера. Оружие получено, билеты с большим трудом куплены (качественно Нового года), до отправления поезда осталось чуть больше двух часов, а подписи командира дивизии Анатолия Григорьевича Курика НЕТ и его самого тоже нигде НЕТ!!! Лишь благодаря настойчивости и решительности, отступить было некуда, я под большим секретом узнал у оперативного дежурного по соединению, где находится командир дивизии. Время было вечернее и предновогоднее, а дело житейское – командир дивизии был в гостях, за праздничным столом. Можете представить его удивление, когда он меня увидел на пороге дома, где Анатолий Григорьевич Курик был в гостях. Узнав о цели моего визита, командир дивизии без промедления подписал мою вожеленную бумагу и даже пригласил к столу. Горячо поблагодарив его и вручив новогодний подарок, я в быстром темпе ушел на железнодорожный вокзал. Уже находясь

в купе, я часа два приходил в себя после этой невообразимой беготни и нервотрёпки, но моё личное дело для поступления в академию было доставлено в кадры флота вовремя. Первый барьер был преодолен.

Однако совсем скоро и совсем неожиданно возник второй барьер. В конце января 1982 года меня и командира дивизиона (его обязанности исполнял капитан-лейтенант Пётр Владимирович Пантус, так как командир дивизиона Н.И. Шилев был в отпуске) вместе с командиром бригады (Зинин Борис Михайлович) и его заместителем по политической части (Бурмистров Анатолий Николаевич) срочно вызвали к командиру дивизии. Одно это уже не сулило ничего хорошего. Так оно и было. Экипаж корабля, находившегося в ремонте уже около года, обратился к командованию Тихоокеанского флота с просьбой принять строгие меры к командиру корабля (капитан-лейтенант Мяскин Александр Кузьмич, впоследствии командир бригады в Благовещенске, капитан 1 ранга) и помощнику командира корабля (старший лейтенант Селеменов Олег Владимирович) по причине их пьянства, халатного выполнения своих служебных обязанностей и отсутствия продовольствия на корабле. Причём эта жалоба была оформлена в виде протокола комсомольского собрания за подписью ни много, ни мало старшины 1 статьи Петра Брежнева во время

руководства нашей страной Леонидом Ильичом Брежневым! Можете представить себе, что было в кабинете командира дивизии, хотя здесь хочу сразу оговориться – ни крика, ни оскорблений, ни разноса не было. Анатолий Григорьевич Курик, светлая ему память, был выдержанным, тактичным, интеллигентным человеком, заботливым командиром. Результат разбора этого тяжёлого и неприятного случая заключался в одном – тщательно разобраться и доложить ему лично. Прямо из кабинета командира дивизии мы с П.В. Пантусом угодили на выходящий из заводского ремонта корабль на Хабаровский судоремонтный завод, который находился в 50 километрах от места постоянного базирования кораблей дивизиона. Чтобы не утомлять вас, уважаемые читатели, подробностями – сообщу сразу итог моего месячного и безвылазного «сидения» на корабле в заводе: факты, изложенные в жалобе экипажа, не подтвердились. «Бунт» на корабле организовал офицер – командир артиллерийской боевой части – в отместку командиру и помощнику за их требовательность к нему, а также морякам последнего года службы, которые при прежнем командире были «неприкасаемыми» и управляли всем на корабле. Это спасло меня, да и комдива от партийной комиссии и серьёзного дисциплинарного взыскания, что позволило преодолеть барьер номер 2. Однако, последствия стресса,

конечно не прошли бесследно. Где-то около месяца я приходил в себя. Но как оказалось это были ещё цветочки...

Больше двух лет на дивизионе не было ни происшествий, ни преступлений. Мы были передовиками на дивизии по всем показателям. О нас даже сняли документальный фильм к Дню ВМФ на местном телевидении. А тут, как прорвало и к тому же в столь ответственный момент поступления в академию!

Итак, барьер номер 3. Служил на одном из кораблей дивизиона хороший парень из Магнитогорска. Я готовил его к поступлению в высшее военно-морское училище. Находясь в районе боевой подготовки, утром мне поступил доклад, что после подъёма ему стало плохо, затем он потерял сознание. Пока я добежал до корабля, его медицинская бригада уже отправила в Хабаровск в окружной военный госпиталь, где он, не приходя в сознание, несмотря на принимаемые интенсивные меры, скоропостижно скончался где-то около 16.00, то есть через 9 часов с момента пробуждения! Для разбирательства корабль, на котором он служил, а также меня и командира дивизиона отозвали из района боевой подготовки в Хабаровск. Три дня и три ночи комиссия по численности сопоставимой экипажу, то есть где-то 30 человек, разбиралась с этим тяжёлым происшествием. Однако, криминала никакого

комиссия не нашла! Это был нонсенс для флота. Как так – труп есть, а виновных нет!? Я уже смирился, что академии мне не видать. Но чудо – нас простили, даже не наказали и барьер № 3 был преодолен. Впереди были похороны матроса и встреча с его родителями... Комдив убыл в район боевой подготовки, а я с дивизионным врачом и другими приданными силами активно занялся похоронными делами. В результате нервотрёпки у меня начался нервный тик левого глаза, и я стал неимоверно много курить, хотя до этого не курил уже год. После тяжёлых траурных мероприятий и проводов родителей матроса я убыл в пришибленном состоянии в район боевой подготовки. Впоследствии из военкомата нам пришла шифровка, в которой сообщалось, что матрос скончался от употребления этиленгликоля (спиртосодержащая жидкость для охлаждения артиллерийских систем) ...

Барьер № 4: экзамены! Несмотря на последствия описанных ранее событий, за экзамены я был спокоен. Учился я всегда и везде в основном на пятёрки. Но моя уверенность рассеялась словно дым после того, как я впервые в жизни, на таком важном этапе, на экзамене при поступлении в академию, по истории партии получаю тройку! Получить такую оценку, тем более по такому предмету при поступлении в Военно-политическую академию равносильно приговору о бесполезности

и бесперспективности затеянного мероприятия... Однако, судьба моя опять была ко мне благоклонной – я поступил, превысив проходной балл на 2 пункта. Хотя признаюсь судьбу пришлось направлять в нужное русло, плотно поработав с кадрами и старшими товарищами-начальниками за «место под солнцем». Здесь я впервые понял, что иногда оценки ставят не за знания, а за звание и за фамилию. Кстати, чуть позже, уже учась в академии и будучи соседом по дому этого преподавателя, который поставил мне на экзамене первую тройку в жизни, он нашёл в себе силы и смелости извиниться передо мной, даже предлагал свою помощь.

После всего пережитого стало до чёртиков обидно: потратить столько усилий и не поступить...? Это было бы ужасно несправедливо. С болью и кровью – барьер № 4 был взят! Как награда за всё, я получил очередное воинское звание – «капитан-лейтенант» без представления, про него забыли, как и про меня, хотя, когда я уезжал мне начальник политотдела дивизии клятвенно обещал, чтобы я не переживал по этому вопросу и даже не думал. Всё будет вовремя заверил он. Уже убывая в Москву, я узнал, что представление так и не было написано, поэтому я ни о чём не жалел, когда расставался с Хабаровском и дивизией! Почему-то у меня была уверенность, что меня ждут более

грандиозные планы и задачи. Хотя сегодня, с высоты прожитых лет я с большой теплотой вспоминаю свою службу в Хабаровске и даже немного жалею, что не вернулся обратно на единственный *океанский* флот, как иногда шутят над остальными флотами тихоокеанцы!

Прибыв усталым, но довольным из Уссурийска (там мы сдавали экзамены в академию) в Хабаровск, доложив начальнику политотдела дивизии о сдаче экзаменов, я неожиданно получаю приказ: утром следующего дня убыть на отряд кораблей боевой службы для выполнения ответственных задач длительного плавания (корабли должны были первыми из Хабаровска дойти до Благовещенска). А до убытия на учёбу в Москву остался месяц с небольшим. Что такое переезд знают, наверное, все или многие, а вот про переезд с Дальнего Востока в Москву – уверен не многие! Один контейнер заказать уже целая «войсковая операция». Я опушу детали, присущие всему военному люду при передислокации, чтобы не вызывать у вас, дорогие читатели, ни чувства жалости, ни чувства снисходительности или сарказма. Мол знали – куда шли. Скажу только одно это был ещё один удар по нервам и психике, причём не только моей, но и по супруге.

Однако, приказ есть приказ. Переночевав дома одну ночь, после месячного отсутствия, я с первыми

лучами солнца убыл к месту стоянки кораблей. Старшим отряда был мой хороший товарищ, начальник штаба бригады капитан 2 ранга Владимир Владимирович Зверев, впоследствии командир дивизии пограничных кораблей на Сахалине. Светлая память замечательному человеку, великолепному командиру, надёжному другу и товарищу. Он неожиданно покинул нас 29 апреля 2017 года, но навсегда останется в моей памяти. С ним служить было одно удовольствие...

Моя служба на Амуре заканчивалась длительным плаванием на границе. А впереди был барьер № 5. Ему предшествовал один весьма живописный эпизод. Боевая служба благополучно подходила к концу. Покинув границу, мы зашли в укрепрайон на Большом Уссурийском острове (тогда ещё нашем). Необходимо было заправиться водой, помыться, почиститься, немного отдохнуть, чтобы во всей красе вернуться на Заячий остров, в наш Затон к месту постоянной дислокации кораблей дивизиона и бригады. В укрепрайоне мы простились с В.В. Зверевым, который передал мне бразды правления на отряде кораблей и убыл на бригаду, готовиться нас встречать в базе. Ничто не предвещало «грозы».

Однако, она грянула! Командир корабля капитан 2 ранга, снятый за пьянство и сосланный на Амур с «большого флота» с понижением, не буду

называть его фамилию, к тому же не очень звучную, оказался трусом и паникёром. После прохождения железнодорожного моста, чуть ниже по течению нулевого километра неожиданно опустился туман, причём сплошное «молоко». В ходовой рубке начался крик, брань, нервозность и тому подобное. Всё это безобразие возросло на порядок, когда на нас неожиданно из тумана выплыл прогулочный теплоход с отдыхающей публикой. Рулевой старший матрос А. Нечаев в ответ на грубость командира послал его по известному адресу, а это уже было практически не выполнение приказа в период несения боевой службы, то есть воинское преступление. Вот и очередной барьер! Мне пришлось вышвырнуть матроса с ходовой рубки, а командира, взяв за грудки, основательно встряхнуть и предупредить об ответственности и личной примерности. Сам я стал за руль или вернее рулевую колонку, чтобы избежать дальнейших недоразумений и навигационного происшествия, указав на наше место командиром. Так мы и вошли в базу. Туман исчез так же внезапно, как и возник. Всё обошлось, но понервничать пришлось изрядно. Я ещё дней несколько ждал вызова в компетентные органы по поводу случившегося, но пронесло. Добавилась только суточная норма выкуренных сигарет. Правда, скажу честно, обо всём случившемся на корабле все, кому положено узнали до нашего захода

в базу, но вопросов ко мне никаких не было. Наоборот я почувствовал одобрение моих решительных действий. Поэтому не стал выяснять детали утечки информации. И уже учась в академии, мне сообщили, что этого горе-командира сняли с должности командира корабля и уволили в запас.

До убытия в академию осталось несколько недель. Впереди был День ВМФ, который целиком был возложен по традиции на нас с командиром дивизиона, который к тому же был старшим на рейде со всеми вытекающими отсюда последствиями. Всё прошло без замечаний, и мы довольные вернулись в базу. Кто же знал, что впереди барьер № 5!!!

Не буду обобщать, но кто служил, тот меня поймёт. Пережить столько событий в году поступления в академию, мягко говоря непросто! Дабы вас не напрягать, дорогие мои, кто будет читать эти строки, скажу коротко – впереди был ещё один трупп, но уже офицера!

Впервые за 4 года 4 месяца службы на дивизии речных кораблей я сошёл на берег – «сквозняком», то есть с пятницы до понедельника. Уйдя из дома, не оставил записки, где меня искать в случае каких-нибудь катаклизмов. Хорошо отдохнув, а заодно и попрощавшись со своими друзьями и товарищами, как обычно в 07.15 в понедельник я прибыл на дивизион. Дежурный встретил, доложил, что

всё в порядке, но какое-то внутреннее чувство заставило меня задать уточняющий вопрос дежурному по дивизиону старшему лейтенанту В. Баранову (дивизионному артиллеристу), а что было в пятницу и субботу? На что он так с улыбкой ответил: «А вы что не знаете?» Я уже нервно: «Отвечайте на вопрос, который я вам задал!». И он тогда, продолжая глупо улыбаться отвечает: «Старший лейтенант Е.Н. Шахов повесился у себя в каюте» ...Я признаюсь честно еле-еле сдержался, хотя «обложил» его как следует! Тогда он сказал, что меня не могли дома застать. Рассыльный дважды приходил, но записку мне, как положено по инструкции, он почему-то не оставил. Фамилия этого офицера была указана выше, не буду её повторять...

После такого доклада, я сразу отправился на корабль, где случилось это происшествие, чтобы разобраться в деталях и подготовиться к встрече с командованием, мысленно поставив жирный крест на моём поступлении в академию.

Однако, опять случилось то, чего я уже ну никак не ожидал. Меня слегка пожурили, что я не прибыл на службу, когда меня вызывали. На что я ответил, а как я мог догадаться об этом, ведь записки не было? Как и не было тогда мобильных телефонов, компьютеров, планшетников и т.д., и т.п. В похоронах офицера мы приняли участие с начальником штаба, просто было жалко родителей Евгения, как

и его самого, решившего из-за семейных неурядиц свести счёты с жизнью. Так завершилась моя служба на Дальнем

Востоке и Тихоокеанском флоте. Впереди была Москва и учёба в академии. Можете представить в каком состоянии я прибыл в столицу нашей Родины, а тут ещё пришлось несколько дней ночевать на Курском вокзале, причём стоя...Но всё равно это было уже не служба с любимым личным составом!

Три года учёбы, рождение сына, прелести столичной жизни и изобилие в магазинах, которые особенно удивляли нас провинциалов, пролетели быстро и незаметно. Не сказать об этих замечательных годах было бы неправильно. Впечатлений от столицы осталось множество.

УЧЁБА В ВПА им. В.И. Ленина

Мегаполис ошарашил наряду с избытком, своими размерами и, конечно, тёплыми, душевными встречами с однокашниками. С большинством из них мы не виделись минимум шесть лет, после выпуска из училища! Первого кого я увидел из наших был мой друг и одноклассник (в военно-морских училищах классы, а не взвода) Борис Алексеевич Ерюшов (с ним мы дружим и по сей день, как и с Ф.Я. Коньковым). Борис с золотой медалью закончил Свердловское (ныне Екатеринбургское) суворовское военное училище, с красным дипломом высшее военно-морское училище, являлся делегатом партийного, а впоследствии и комсомольского съездов. Он прибыл в академию с Черноморского флота (без экзаменов, так как был на боевой службе в Средиземном море) на «попутных» кораблях. Академию Борис закончил тоже с красным дипломом. Мы с ним снова встретимся на Северном флоте уже через три года после окончания академии и даже будем жить в одном доме в Полярном, но об этом чуть позже. Вообще наш третий класс военно-морского факультета академии был одним из сильных по своему составу на курсе. Судите сами:

из 16 офицеров – 11 были с красными дипломами! У меня хоть был и «синий» диплом, но четвёрок в нём было всего две. Остальные «синедипломники» были где-то такими же. Не буду описывать как проходили у нас контрольные занятия по гуманитарным дисциплинам, скажу одно передача: «Что? Где? Когда?» отдыхает, как и «умники и умницы». Приведу только один пример: после моего выступления на экзамене по военно-морскому искусству старшине класса Михаилу Петухову поставили четвёрку, так как лимит на пятёрки был исчерпан (пресловутый средний балл). Мне поставить четвёрку преподаватели не решились, а ему уже поставить пятёрку не могли...Да ещё одна особенность нашего класса была в том, что почти треть слушателей – были выпускниками суворовских военных училищ (В. Степенко, В. Артамонов, А. Карманов, Б. Ерюшов, С. Греков – Казань два, Калинин-Тверь, Свердловск-Екатеринбург, Минск - соответственно). Всё командование курса тоже поначалу было из нашего класса: старшина курса – Александр Александрович Штурманов, парторг курса – Борис Алексеевич Ерюшов, старшим секретчиком курса был я.

За время учёбы мы побывали во всех знаковых театрах Москвы, не раз ходили в музеи, на выставки, на футбол, концерты, другие интересные мероприятия. За это хочу от души поблагодарить (думаю, и остальные офицеры нашего класса

присоединятся) моего земляка Володю Давиденко, который сегодня живёт в Киеве. Чем ещё запомнилась учёба в академии – конечно же прибавлением в семьях! За три года у нас родилось, если мне не изменяет память, восемь детей (пять девочек и три мальчика). Б.Ерюшов, А. Подлевский, В. Войсковых, А. Штурманов, Л. Соколов – девочки, А. Пугачёв, С. Греков, А. Карманов – мальчики. Очередные воинские звания получили: В. Подлевский, М. Петухов, В. Кузьмин, Б. Ерюшов, А. Пугачёв, А. Карманов, С. Греков, М. Пузик, В. Войсковых, В. Давиденко.

Нельзя не вспомнить и встречи с известными и публичными людьми прямо в лоб: А. Миронов, Н. Белохвостикова, А. Ширвинд, В. Бовин, А. Райкин, В. Третьяк (кстати выпускником Военно-политической академии имени В.И. Ленина), Начальник Главного Политического управления СА и ВМФ генерал армии А.Д. Лизичев, Главнокомандующий ВМФ адмирал флота В.Н. Чернавин, А.Б. Пугачёва, М.А. Захаров и многими другими.

Отмечу ещё одну особенность нашего курса в период учёбы в академии: за это время мы участвовали в похоронах трёх Генсеков ЦК КПСС (Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко) и других видных деятелей нашего государства, в частности Министра обороны маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова.

Как бы то ни было, всё когда-нибудь кончается. Закончилось и наше беззаботное время учёбы. Впереди были снова флотские будни, служба на благо Отчизны. Мы расставались, разъезжаясь по флотам. Об этом времени у каждого из нас остался на память прекрасный альбом, воспоминания о короткой столичной жизни и новые друзья по учёбе в ВПА им. В.И. Ленина...

*Баренцево море, место гибели СКР «Туман»,
после отдания почестей. Июль, 1984 год*

СЛУЖБА НА БАЛТИКЕ

После окончания академии меня назначили заместителем начальника политотдела бригады кораблей охраны водного района в Усть-Двинск (окраина Риги, вблизи впадения Даугавы в Рижский залив). К новому месту службы из Москвы я прибыл в начале августа 1985 года ранним утром, в 08.00 я был уже в штабе. Командиром бригады – Старшим морским начальником Рижского военно-морского гарнизона был контр-адмирал Геннадий Михайлович Калайда, начальником политотдела – заместителем командира бригады по политической части являлся капитан 1 ранга Янис Язепович Лочмелис, начальник штаба бригады – капитан 2 ранга Скриган Михаил Иванович. С ним мы очень подружились, что чуть мне впоследствии не «вышло боком» из-за его жены, весьма экзальтированной особы, ушедшей в иной мир по своей воле...Но сейчас не об этом. Отмечу, что мы с Михаилом Ивановичем спали и ночевали в бригаде. Приходили раньше всех и уходили позже всех. Я вообще полгода жил в кабинете, но мне поначалу это даже нравилось, так как быстрее разбирался в делах и обстановке. Мой предше-

ственным капитан 2 ранга В. Филатов уже полгода служил в другом гарнизоне (службу он закончил на Черноморском флоте в Балаклаве). Как и на Амуре, на дивизионе артиллерийских кораблей начинать пришлось с чистого листа. Но если там было полное запустение, то здесь осталось много полезного материала, с которым необходимо было ознакомиться.

Контр-адмирал Г.М. Калайда был весьма известной, легендарной личностью в ВМФ по целому ряду причин:

– во-первых, из-за своего высокого роста и комплекции. Про таких в народе говорили-полтора Ивана.

– во-вторых, из-за смелости и дерзости. Будучи мастером спорта по плаванию, в молодости, учась на офицерских классах, Геннадий Михайлович то ли спасаясь от патруля, то ли на спор переплывал Неву!

– в-третьих, более семи лет, находясь на адмиральской должности, ждал звания контр-адмирал. Такого случая, служа на трёх флотах, я не знаю.

– в-четвёртых, из-за известной тяги к «ворошиловке» (так на флоте называют спирт, наряду с общеизвестным «шилом»).

– в-пятых, из-за его умения выразиться непечатно.

Про него флотские любители словесности сочинили известное многим тихоокеанцам 70-80-х годов, особенно камчадалам, стихотворение:

«По бригаде иногда,

Ходит п...й Калайда.

Ну, а если Калайда

Ходит трезвый иногда,

То не бывает такого никогда!»

В любом случае Геннадий Михайлович был незаурядной личностью и старался чем мог помочь подчинённым. Он был щедр и хлебосолен, любил море и толковых людей, особенно тихоокеанцев и подводников. Такими в бригаде были: командир отдельного дивизиона подводных лодок капитан 1 ранга Гнатюк Дмитрий Иванович, начальник отдела тыла флота капитан 1 ранга Нечепуренко Алексей Григорьевич. Первый коренной балтиец, мой добрый друг и наставник в подводном деле; второй – северянин – гремиханец – командир атомного подводного крейсера стратегического назначения. К сожалению, ни Геннадия Михайловича Калайды, ни Дмитрия Ивановича Гнатюка давно нет с нами. Вечная им память! Мне из-за принадлежности к тихоокеанцам в какой-то степени повезло – у нас с комбригом сложились добрые, тёплые взаимоотношения, несмотря на разницу в возрасте. У него ко мне было полное доверие и поддержка. Адмирал по-доброму встретил, расспросил обо мне

и службе, рассказал о состоянии дел в бригаде и пожелал успехов в становлении в новой должности и на новом флоте. Чего не скажешь о моей первой встрече с моим непосредственным начальником капитаном 1 ранга Я.Я. Лочмелисом, первые слова которого были – нечего в кабинете сидеть, идите на корабли, в части и изучайте состояние дел и личный состав. Прошло всего каких-то два часа, как я прибыл на соединение?! Вот это да, подумал я. Вот так встреча с непосредственным начальником! В этом и вся суть службы на Балтике: если ты чужой, то есть прибывший на Балтику с другого флота, то ты ЧУЖОЙ и всё! А раз так, то с тобой можно не церемониться, спрашивать за всё без снисхождения и по полной, а своих оберегать, защищать, на худой конец журить. Ведь это же свой... Долго я не мог понять этой формулы и традиции, пока как-то однокашники по училищу не объяснили мне все эти нюансы службы на Балтфлоте.

Увы, за многие годы службы, я так и не научился не принимать близко к сердцу мелочи, шероховатости и недостатки в службе, проступки своих подчинённых. Отвечая практически всю свою офицерскую службу за состояние дел и людей, всё происходящее я воспринимал, как личное, хотя ни одного взыскания за свои упущения я не имел и всегда считал, чтобы требовать и спрашивать с подчинённых – нужно обладать личной

примерностью и авторитетом! Суворовский завет: «Прежде чем повелевать – научись повиноваться!» для меня незыблем всю мою жизнь, как и то, что «служить бы рад – прислуживаться тошно!» Вот моё кредо, которому я следовал тридцать пять лет, пока носил военную форму. Узнав про тайны «балтийского двора», я как-то не смог с этим смириться. Рано я попал на Балтийский флот, да и море ещё манило. Я стал проситься на Север...До перевода туда прошло три года. Но, а пока Балтика.

Получив приказание капитана 1 ранга Я.Я. Лочмелиса, я убыл в первый же день прибытия к новому месту службы, через два с небольшим часа, знакомиться с людьми и подразделениями. Так я попал к подводникам. Кстати, это, наверное, был единственный дивизион подводных лодок, входящий в состав бригады кораблей водного района в ВМФ Советского Союза! Встретили меня на дивизионе подводных лодок три капитана 1 ранга: уже упоминавшийся Дмитрий Иванович Гнатюк, его заместитель по политической части Анатолий Иванович Андросенко и начальник штаба, к сожалению, забыл его имя-отчество Жнакин. Считаю свой визит к подводникам знаковым и очень важным, который позволил мне быстрее влиться в новый коллектив как бригады, так и подводников. Кто бы мог подумать, что буквально через два месяца мы с Дмитрием Ивановичем пойдём в Сирию,

выполнять задание Советского правительства – создавать САР подводный флот, причём с загранпатриотами и в гражданской форме одежды, наряду с формой. Но об этом чуть позже. Время службы на Балтике понеслось в быстром темпе. На подплаве я познакомился с замечательными людьми, опытными моряками-подводниками, старшими и по возрасту, и по званию, но как бы подчинёнными по служебному положению. Когда на входе они меня встретили, скомандовав «Смирно!», я немного опешил. Сказав им: «Мужики не пугайте меня». Это сразу сблизило нас и устранило некоторую напряжённость в наших взаимоотношениях. К ним прибыл не проверяющий, а товарищ по службе, коллега. После непродолжительного разговора о службе и знакомства, мы перешли к обсуждению вопросов жизни. Дебаты были завершены за «круглым» столом с «капитанским чаем». Служившие меня поймут, а не служившие уточнят у первых. Кроме того, Дмитрий Иванович Гнатюк и Анатолий Иванович Андросенко, до Балтики служивший на Северном флоте, в Оленьей губе на «стратеггах» (так на флоте называют атомные подводные крейсера стратегического назначения РПКСН) стали моими очень близкими друзьями. Анатолий Иванович Андросенко очень мне помог по специальности и в моем становлении в занимаемой должности. В трудную минуту я знал к кому мне обратиться

за советом или помощью. Анатолий Иванович был человеком с непререкаемым авторитетом и удивительными человеческими качествами, его уважали все военнослужащие и гражданские лица. Недаром он был депутатом районного Совета города Риги. Одна беда, что такого замечательного человека очень рано забрала от нас всех тяжёлая болезнь! Как тяжело, что, описывая события минувших дней, вспоминая дорогих мне людей, писать о них в прошедшем числе. Увы, жизнь наша имеет эту печальную сторону и никому от неё не уйти. Это мне придаёт сил и вдохновения писать эти строки, ведь мы живы, пока нас помнят! Надеюсь, что читатели оценят это и вспомнят или узнают достойных людей, беззаветно служивших нашей Родине, защищая её интересы вдали от родных берегов. Ещё раз всем низкий поклон и вечная память! Вы все для меня живы и навсегда в моём сердце. Благодарю который раз свою судьбу, что подарила мне радость встреч с вами – дорогие боевые друзья, соратники, сослуживцы и просто дорогие мне люди, о которых я пишу в своих воспоминаниях!

Но вернёмся к повествованию о первом дне моей службы в Усть-Двинске. С него самого, мы с капитаном 1 ранга Дмитрием Ивановичем Гнатюком стали неразлучны, вплоть до самых его последних дней (свой жизненный путь он закончил в любимом Ленинграде). С Дмитрием Ивановичем

мы часто ездили вместе на Военные советы, служебные совещания, как в Лиепаяу, так и в Калининград-Балтийск. Как я уже упоминал, в октябре 1985 года, то есть через два месяца моей службы на Балтике, мы с ним по решению командования ВМФ и Балтийского флота убыли во главе отряда кораблей в составе двух дизельных подводных лодок и гидрографического судна «Стрелец» в порт Тартус для создания подводного флота Сирийской Арабской Республики. Опускаю все сложности подготовки и перехода из Риги в Тартус – поставленную задачу мы выполнили успешно и были поощрены командующим Балтийским флотом январским Приказом № 1 1986 года. Там в Сирии на глубине 138 метров капитан 1 ранга Д.И. Гнатюк посвятил меня в подводники, проведя положенный ритуал с целованием кувалды и выпиванием плафона морской, забортной воды с вручением соответствующего удостоверения и воблы!

После Сирии Дмитрий Иванович практически без меня в море не выходил. Мы с ним стали как братья и даже скучали, когда долго не виделись. Хочу несколько строк посвятить этому прекрасному человеку, блестящему офицеру-подводнику, человеку с большой буквы, незаслуженно обойдённому флотской судьбой в плане служебной карьеры...Дмитрий Иванович Гнатюк – прирождённый командир, ас-подводник, мастер торпедных атак,

кумир многих своих подчинённых, непререкаемый авторитет и в то же время весельчак и балагур, любимец женщин и просто добрый человек. Настроение его менялось в один миг, когда обстановка становилась сложной и требовала сосредоточенности, принятия молниеносных решений. Решения Д.И. Гнатюка всегда были верными и правильными. За это его многие ценили и недолюбливали те, кто так делать, решать, командовать не мог. Увы, зависть присутствует в офицерской среде!

Теперь о моих непосредственно подчинённых офицерах политотдела. Младше меня по возрасту и званию был лишь помощник начальника политотдела по комсомольской работе Сергей Мигачёв, остальные старше меня от 6 до 13 лет и по званию выше на одну ступень. Пришлось опять доказывать свою состоятельность, как в своё время на дивизионе артиллерийских кораблей в Хабаровске, где у меня старшего лейтенанта было в подчинении шесть старших офицеров. Бунт на «корабле» был прекращён в зародыше, но пришлось немного повозиться. Через год с небольшим, капитана 1 ранга Я.Я. Лочмелиса сменил капитан 1 ранга Майков Николай Сергеевич, а начальника штаба капитана 2 ранга М.И. Скригана сменил капитан 2 ранга Ушалов Иосиф Иосифович. Началась несколько другая жизнь и служба. Николай Сергеевич Майков пришёл из Политического управления Балтийского

флота. Это был грамотный офицер-политработник, прошедший большой путь офицерской службы на разных должностях политсостава, имеющий огромный опыт аппаратной работы. Николай Сергеевич многому меня научил, а я в свою очередь многому научился у него, что в дальнейшем мне помогло в руководстве политотделом гарнизона Порт-Владимир на Северном флоте. Начальник штаба бригады И.И. Ушалов был по стилю и характеру похож, на ушедшего на повышение М.И. Скригана. Только с ещё большим служебным рвением. Да к тому же они оба были белорусы, а я, как вы, наверное, поняли, этот народ люблю всем сердцем ещё с Минского суворовского военного училища!

Три года службы в Риге пролетели незаметно, и сбылась моя мечта о службе на Северном флоте – я получил назначение на должность начальника политотдела бригады кораблей охраны водного района в островной гарнизон Порт-Владимир, который находился у входа в Мотовский залив на острове Шалим в живописном, но «диком» месте. Настолько диком, что моржи, тюлени, нерпы и лисы даже не прятались, когда рядом проходил наш портовский рейсовый катер.

С офицерами штаба бригады, рядом со мной — комбриг контр-адмирал Г.М. Калайда, 2-ой слева в первом ряду — М.И. Скриган, НШ бригады

*На пути в Сирию, п. Тартус
вместе с командиром ГИСУ «Стрелец» А. Баринovým*

На ходовой рубке дизельной подводной лодки, п. Тартус

У нас в гостях певец и композитор Юрий Антонов

СЛУЖБА НА СЕВЕРНОМ ФЛОТЕ

Порт Владимир

Прибыл я на Север, точнее прилетел в аэропорт Мурмаши в начале августа. В аэропорту меня встретил бывший начальник политотдела бригады капитан 2 ранга Зинченко Юрий Валентинович (ныне капитан 1 ранга в отставке, проживает в Анапе). Это был первый случай за всю мою офицерскую службу, когда я принимал дела у реального человека. Кроме того, Юрий Валентинович не только передал мне дела и обязанности, как положено чин по чину, ввёл меня в курс дела, но и оказал неоценимую помощь в становлении на новом месте службы и флоте, щедро поделился своими знаниями и опытом работы в островном гарнизоне. Это меня очень сблизило с предшественником и стало причиной бескорыстной дружбы между нами на долгие годы. Пользуясь случаем, хочу на страницах этой книги поблагодарить этого замечательного человека и порядочно офицера с добрым сердцем за нашу совместную службу на Северном флоте и пожелать ему долгих и счастливых лет жизни на «гражданке»! Помню Юра и глубоко уважаю!

Север встретил жарой, практически до сентября мы ходили в кремовых рубашках, и...проблемами большого воинского коллектива с островным житьём. Хотя сразу оговорюсь – хоть до посёлка и места дислокации кораблей от Видяево идти на катере почти час – наш остров не считался островом по «хитрым документам» Министерства обороны как СССР, так и России (чтобы не платить нам «островные»), как например островитянам с острова Кильдин. Правды ради, тоже подчеркну, что им пришлось совместно с командованием флота немало потрудиться, чтобы доказать эту очевидную истину. Ну, а мы не смогли пробить стену чиновничьего равнодушия и безразличия, ведь они же не жили по нескольку дней в гараже, у знакомых (порой без денег) с малыми детьми, когда штормил залив или море парило, или видимость ноль, или катер вмёрз в лёд при сильном морозе...Однако вернёмся к дружеской встрече в аэропорту. Прямо оттуда мы Юрием Валентиновичем убыли на 82 судоремонтный завод в Росляково, где находился в ремонте малый противолодочный корабль МПК-40. Кораблём командовал капитан-лейтенант Юрий Александрович Баруткин (впоследствии капитан 1 ранга, офицер Генерального штаба Вооружённых Сил России). На корабле сложилась неблагоприятная обстановка с воинской дисциплиной и преступностью.

Необходимо было срочно, изучив обстановку, принимать меры организационного и воспитательного характера для улучшения состояния дел и оказания помощи молодому командиру в становлении. Так с первых часов моего появления на Северном флоте началась моя служба в новой должности...

На остров мы попали где-то к полуночи. Но ещё был полярный день, и было светло как днём. Теперь о руководстве соединения:

— командир бригады капитан 2 ранга Николай Васильевич Скородумов (вскоре он ушёл советником в Южный Йемен) его сменил капитан 2 ранга Владимир Антонович Сорокин (впоследствии заместитель командующего Кольской флотилией по вооружению и эксплуатации вооружения капитан 1 ранга, ныне живёт в Твери);

— начальник штаба бригады капитан 2 ранга Сергей Николаевич Чесноков (мой земляк из Донецка, впоследствии командир бригады кораблей охраны водного района (в народе: *Окрик-Выкрик-Раз...он*) Беломорской военно-морской базы);

— командир противолодочного дивизиона капитан 2 ранга Сергей Николаевич Неметовский (впоследствии начальник штаба, командир бригады, капитан 1 ранга, ныне живёт в Севастополе);

— заместитель командира дивизиона по политчасти капитан-лейтенант В.Н. Сивков;

— командир минно-трального дивизиона капитан 3 ранга Александр Борисович Медведев (позднее капитан 1 ранга, начальник минно-торпедного отдела флотилии, живёт в Анапе); заместитель командира дивизиона по политчасти капитан-лейтенант Дьяченко, через год его сменил капитан-лейтенант А.С. Заикин;

— заместитель командира бригады по электро-механической части капитан 2 ранга Юрий Борисович Дыскин (службу закончил в Ленинградской военно-морской базе, проживает в Германии); капитан 2 ранга Андрей Николаевич Цветков (позднее капитан 1 ранга, начальник техотдела флотилии, живёт в Санкт-Петербурге);

— заместитель командира бригады по тылу-командир береговой базы капитан-лейтенант Олег Владимирович Кованов; заместитель командира бербазы по политчасти капитан 3 ранга Е.И. Мосенков (мой однокашник по училищу, «сосланный» в Порт-Владимир из-за развода с женой); вскоре его сменил старший лейтенант В.И. Лапенко.

ОФИЦЕРЫ ПОЛИТОТДЕЛА

Заместитель начальника политотдела – старший инструктор по организационно-партийной работе: капитан 3 ранга М.И. Петрузов.

Пропагандист политотдела: капитан-лейтенант А.А. Петров.

Помощник начальника политотдела по комсомольской работе: старший лейтенант Куржуков (вскоре его сменил старший лейтенант Н.Н. Рудавин).

Кроме того, в политотделе было два *мичмана*: инструктор по комсомольской работе (Прохоров) и инструктор партийного учёта гарнизона (Кудряшова).

Здесь я не могу не сказать ещё об одном человеке – Лидии Алексеевне Курановой, которая бесценно руководила женсоветом гарнизона с 1988 года и вносила огромный вклад в общественную жизнь посёлка и воспитательный процесс экипажей кораблей, являлась членом Союза женщины России и Совета женщин ВМФ. До этого Лидия Алексеевна была комсомольским вожаком крупного промышленного объединения и профсоюзным активистом в Ленинграде. Но любовь позвала вслед за мужем на Север. Муж Лидии Алексеевны старший мичман Куранов Анатолий Михайлович командовал рейдовым тральщиком, а затем катером связи, задача которого была доставка людей и грузов в Порт-Владимир. Семья Курановых первой высадилась на остров и последней покинула его. До сих пор, проживая в Санкт-Петербурге, Лидия Алексеевна свято хранит память о нашем гарнизоне, организует встречи сослуживцев и островитян,

ведёт со многими активную переписку и всё знает о тех, с кем ей пришлось жить, дружить, организовывать и проводить различного рода мероприятия: «Хозяюшка», «Тарабарки», День защиты детей и СА и ВМФ, молодых семей, проводы зимы и многие другие.

Оглядываясь назад, вспоминая годы своей службы на флоте, хочу подчеркнуть, что служить мне пришлось в основном на кораблях третьего ранга. Тут же мне пришла в голову флотская поговорка: «чем меньше корабль, тем больше проблем и хуже дисциплина». Этому есть объяснение: молодые, неопытные офицеры, далеко не лучшие матросы. Лучшие шли на подводные лодки, надводные корабли первого и второго ранга, режимные и караульные части. Говорю об этом неголословно, а как член приёмно-технической комиссии Северного флота. Спрос же за состояние дел был одинаков со всех, поэтому угадайте с трёх раз кому больше всех доставалось критики на разборах, подведениях итогов, Военных советах в первую очередь? Ответ очевиден. Хотя по наплавности и интенсивности боевой учёбы вряд ли кто-нибудь на флоте мог посоперничать с кораблями охраны водного района!

Это так же прописная истина. Низкий поклон Вам офицеры, мичманы, старшины и матросы кораблей ОВРа! За ваш огромный труд по защите

морских рубежей Отчизны, беззаветное и недооценённое служение Родине!

Хочу поделиться здесь с вами, уважаемые читатели, историей 67 бригады кораблей охраны водного района, на счету которой немало славных дел по защите северных водных рубежей Отчизны, укреплению боевой мощи Северного флота и Кольской флотилии разнородных сил. Правопреемницей 67 брковр ныне является 7-я бригада кораблей охраны водного района.

19 сентября 1962 года на основании Директивы Главкомандующего ВМФ СССР, в целях улучшения организации противолодочной и противоминной обороны пунктов базирования сил флота в Мотовском заливе была сформирована 67 бригада кораблей охраны водного района в Ура губе. В состав соединения входили: дивизион противолодочных кораблей в количестве 8 малых противолодочных кораблей, дивизион тральщиков в количестве 8 единиц, катер связи, 2 бонно-сетевые партии, пост наблюдения и связи в Западной Лице, а в октябре был принят ЦЛ-20 для размещения управления бригады. 10 ноября 1962 года дивизионы бригады были перебазированы из г. Полярный в губу Ура. Первым командиром бригады был Герой Советского Союза капитан 1 ранга Завгородний Александр Аврамович, начальником политотдела – капитан 3 ранга Никитин Игорь Алексеевич,

начальником штаба – капитан 3 ранга Соколов Валентин Васильевич.

Уже в марте 1963 года поисково-ударная группа бригады в составе МПК-399, МПК-354 и МПК-419 обнаружила и в течение 33 часов преследовала английскую подводную лодку «Силайон» и вынудила её всплыть, выдворив её за пределы Баренцева моря. В августе 1963 года соединение было перебазировано из губы Ура в губу Ара. В 1964 году сформировано два поста наблюдения и связи в Ара губе с подчинением их бригаде, а также береговая база соединения. В сентябре-октябре 1964 года морские тральщики – МТЩ-494 и МТЩ-489 несли боевую службу в Норвежском море с целью вытеснения американских подводных лодок. В этом же году два дивизиона бригады участвовали в состязаниях, в ходе которых противолодочный дивизион за поиск и длительное преследование подводной лодки занял 2 место в ВМФ и 1 место на Северном флоте, а дивизион тральщиков завоевал приз командующего Северным флотом за 1 место в тралении. 1965 год противолодочный дивизион был награждён грамотой Главкома ВМФ за 2 место в состязательном поиске и атаке подводной лодки. Сентябрь 1966 года в состав соединения вошёл 130 пост наблюдения и связи, а в декабре – береговая батарея противолодочной обороны на мысе Выев-Наволоок. В декабре 1969 года бригада была

перебазирована из Ара губы на остров Шалим в посёлок Порт-Владимир, где ранее проживали рыбаки и рыбопереработчики рыбозавода «Мурманрыба». На острове имелись школа, амбулатория, почта, телефон, овощехранилище, пекарня, пилорама, рыболовная станция. Стоит также упомянуть, что до войны на острове находился исправительно-трудовой лагерь системы ГУЛАГа. Один из 24 на территории Мурманской области, а в годы войны находились: 72-ой госпиталь, зенитные и береговые батареи. На старинном поморском кладбище в братских могилах хоронили умерших от ран и обморожений солдат и морских пехотинцев. Остров около 160 лет был обитаем. Порт-Владимирская бухта издавна привлекала к себе рыбаков. Просторная и глубокая, окружённая неприступными для ветров скалистыми сопками, она служила надёжным убежищем большим и малым судам от самых неистовых ураганов и штормов сурового Баренцева моря, проходивших в нём в любое время года. С её спокойного рейда можно было наблюдать бушующую рядом морскую стихию. Трудно найти на Мурманском берегу место более удобное для стоянки рыбацких судов, недаром её называли перекрёстком рыбацких берегов. Вот куда была передислоцирована бригада. Можете представить себе с какой неохотой уходили с насиженных мест жители посёлка...и в знак протеста многое разрушили. Всё пришлось создавать

по-новому. Личный состав вместе со строителями возводил и благоустраивал гарнизон. В тяжелейших условиях Заполярья моряки-овровцы создали все необходимые условия для нормального базирования кораблей бригады, хотя проблемы, связанные с островным житьём, оставались всегда. 1 сентября 1993 года бригада была перебазирована на новое место дислокации в Оленью губу. Я к тому времени уже год служил в Полярном. С 1994 года населения на острове не осталось и в 2007 году по решению заседания комитета по государственному строительству и местному самоуправлению посёлок Порт-Владимир был упразднён... Несколько слов о самом острове Шалим. Он располагался у входа в Ура губу, фьорде Баренцева моря на севере Кольского полуострова, деля Ура губу на два рукава, в 15 километрах к северо-востоку от посёлка Видяево. В длину остров имеет 9,9 километров, в ширину – от 2,6 километров до 500 метров в районе северного перешейка, расстояние от него до западного берега губы – 1,3 километра, до восточного – 200 метров в самом узком месте. Самая северная точка острова – мыс Толстик. Шалим является скалистым, высотой до 208 метров в центральной части, берега преимущественно пологие, на юго-западе и северо-западе обрывистые. Растительностью остров покрыт лишь в районе перешейка, а также небольшого западного полуострова и вдоль северо-восточного побережья.

Вспоминая службу в Порту-Владимире (с лёгкой руки комбрига В.А. Сорокина он назвал его «Португалией»), могу с уверенностью сказать одно – портовец (португалец) это на всю жизнь! Как и Разбойник двенадцать лет тому назад! Служба в таких местах хорошо помогает узнать людей, приобрести друзей на всю оставшуюся жизнь, увидеть дикую природу и сродниться с ней, почувствовать хрупкость мира и найти себя в нём, не отвлекаясь на суету и спешку больших городов с их очередями, пробками, чужими людьми. Мы на острове были и жили одной семьёй и лучше понимали вкус жизни, её маленькие и простые радости!

Всё шло по плану и в соответствии с законами карьерного роста и прохождения службы. Но наступил 1991 год! И тут началась неопишечное и невообразимое! Оказалось, что отдельные сослуживцы и коллеги, ещё вчера заискивающие и подбострастные, были совсем не такими, какими они выдавали себя... Приведу пример одного из ярких представителей того времени А. Грищенко – начальника штаба дивизиона тральщиков. Став с помощью командования бригады депутатом областной Думы, он посчитал себя большим начальником, стал давать указания старшим по званию и должности, напрочь позабыв о субординации и обыкновенной скромности. Нас с командиром бригады за него как-то отчитывал один флотский

начальник не буду указывать его фамилию, ибо его самолюбие не терпит никакой критики или какого-нибудь несогласия. Так вот это его поведение и поступки привели к бесславной флотской карьере, да и раннему уходу из жизни...

В те смутные годы многие, ничего собой не представлявшие военнотружущие, на волне критики КПСС и Советской власти, не имея ни заслуг, ни соответствующего образования и прохождения службы, вдруг заняли высокие должности, получили очередные звания, порою абсолютно незаслуженно. Но по истечении времени, когда схлынула пена и муть, в силу указанных причин, а также личных качеств, кадровые органы не знали, что с ними делать? Ведь на службе главное не говорить, как в Думе, а думать и делать, а также отвечать за принятые решения и содеянное...

Приём присяги на причале Порт-Владимир

Комсомольская конференция бригады

Политотдел соединения у меня в каюте

День ВМФ в Порту-Владимире. Рядом со мной командир бригады В.А. Сорокин

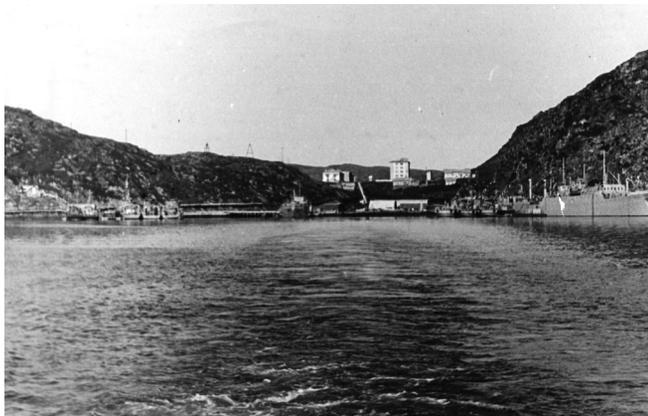

У нас в гостях делегация из Узбекистана. Второй слева — начальник штаба бригады С.Н. Неметовский

Выпускной бал в Портовской школе

*Порт-Владимир: слева — тральщики, справа —
противолодочные корабли. В доме по центру я прожил 4 года*

День ВМФ. У нас в гостях делегация из Наро-Фоминска

Последние слова напутствия перед выходом в море на учения

*Выступление на сборах выпускников суворовских
и нахимовских училищ гарнизона
в штабе Кольской флотилии*

Полярный - колыбель СФ

Дабы не утомлять вас, уважаемые читатели, описанием «смутного времени» скажу кратко – в моей служебной карьере меня ждал очередной крутой поворот. Ух..! Вместо продвижения по службе, после четырёх лет исполнения занимаемой должности начальника политотдела гарнизона, с академическим образованием у меня начался карьерный спад, длившийся пять лет. Весной 1992 года меня перевели на гвардейскую бригаду противолодочных кораблей в колыбель Северного

флота город Полярный, как бы на равнозначную должность. В городе Воинской славы я прослужил и прожил пятнадцать лет. В 1993 году бригаду преобразовали в дивизион, и я вернулся в службе на десять лет назад. Это был очередной шаг вниз по служебной лестнице. Командование бригады: комбриг (капитан 1 ранга В.А. Шамардин) и начальник штаба (капитан 2 ранга Ю.В. Ерёмин) двигаются вверх, а я остаюсь на должности с понижением и обещанием ближайшего продвижения по службе. Конечно, меня обманули. Помощь пришла откуда я не ждал. Начальник отдела организационно-мобилизационного и комплектования штаба Кольской флотилии капитан 1 ранга Александр Иванович Марцевой предложил мне должность старшего офицера у себя в отделе со штатной категорией «капитан 2 ранга». Это был маленький шагок вверх и новый поворот в моей службе. Остались в прошлом – пьянки, самоволки, неуставные взаимоотношения, воровство, воинские преступления и другие «прелести» корабельной службы. Началась размеренная штабная жизнь и новые горизонты.

Штаб флотилии - оргмоботдел

Офицеры штаба флотилии приняли меня очень дружелюбно. Со многими я сблизился

в Порту-Владимире. Особенно с теми, кто там служил (портовское братство). Это прежде всего: заместитель командующего Кольской флотилией по вооружению и эксплуатации вооружения, бывший комбриг капитан 1 ранга В.А. Сорокин, начальник оперативного отдела штаба капитан 1 ранга Н.М. Калинин, начальник связи флотилии капитан 1 ранга С.А. Пономаренко, начальник командного пункта флотилии капитан 1 ранга В.Б. Красновицкий и ряд других. Хочу упомянуть также ещё капитана 1 ранга Михаила Васильевича Жилу – начальника спецслужбы, нашего соседа по этажу, и капитана 1 ранга Владимира Ивановича Норкина – моего непосредственного начальника. Это были одни из самых уважаемых офицеров штаба флотилии. Служить с В.И. Норкиным было легко и приятно. Он обучил меня вопросам комплектования в полной мере, да так, что одно время мне предлагали перейти в отдел комплектования штаба Северного флота, но не случилось...

В 1996 году меня назначают начальником группы комплектования и присваивают очередное воинское звание «капитан 1 ранга». Однако, через три года в 1999 году, буквально сразу после рождения моей дочери Оли, мою должность сокращают, и я в третий раз оказываюсь за штатом, то есть в распоряжении. Проще говоря, оказываюсь «за бортом». Здесь я не буду упоминать моих «друзей»

виновных в этом. Жизнь с ними поступила так, как они того заслуживали.

Краснознаменная бригада тральщиков

Очередной новый поворот в службе. Всё это, безусловно, сказалось на моём психоэмоциональном состоянии и здоровье, но подняло авторитет среди порядочных людей. А кое-кто чуть позже, чуть ли, не плача на моей груди, просил извинения за неблагоприятные деяния в отношении меня. Через шесть лет службы в штабе мне пришлось вновь вернуться на воспитательную работу, на 5-ю бригаду тральщиков. С одной стороны, это шаг назад, а с другой – шаг вперёд, так как тарифный разряд у заместителя командира бригады по воспитательной работе выше, чем на предыдущей должности, а пенсия назначается пожизненно! И чтобы закончить эту организационно-штатную тему скажу честно: всё-таки работа с людьми мне, не взирая ни на что, по душе была больше, чем штабная более-менее спокойная работа. Я вернулся в родную стихию и плавсостав, к любимым тральцам и личному составу. Чем запомнилась мне служба на третьей (по счёту) бригаде кораблей Кольской флотилии? Через полтора года бригада стала лучшим соединением в ВМФ и в Вооружённых Силах в Приказе Министра обороны РФ и три года подряд оставалась

таковой! О соединении был снят документальный фильм известным телекорреспондентом ВГТРК Александром Сладковым, показанный по российскому телевидению. Все корабли дивизиона базовых тральщиков стали именными. В СМИ Северного флота, Мурманска, Полярного о бригаде были написаны статьи, репортажи, радиопередачи, опубликованы итоги конкурса сочинений о своей малой Родине среди матросов и старшин. Эти газеты и радиопередачи пользовались большой популярностью среди всех категорий личного состава соединения. Не состоявшийся визит в Норвегию в Берген, способствовал созданию комнаты боевой славы бригады, в чём немалая заслуга офицеров Алексея Юрьевича Абрамовича и Виталия Валентиновича Мамонтова. В нелёгких флотских буднях, в период службы на Краснознамённом соединении Кольской флотилии 5-ой бригаде тральщиков, кстати её Знамя перешло флотилии, мне помогали офицеры:

- Николай Геннадьевич Мешалов капитан 1 ранга, командир соединения;
- Алексей Геннадьевич Яшин капитан 1 ранга, начальник штаба 5 бртщ, впоследствии командир 7-ой брковр, начальник гарнизона Оленья губа;
- Александр Евгеньевич Кастовский капитан 2 ранга, начальник штаба 42 днтщ, 5-й бртщ;

- Валерий Васильевич Якименко капитан 1 ранга, замкомбрига по электромеханической части;
- Сергей Яковлевич Савчук капитан 2 ранга, психолог;
- Владимир Владимирович Щетинин подполковник, офицер по социально-правовой работе;
- Алексей Юрьевич Абрамович капитан 2 ранга, культуролог;
- Михаил Владимирович Казанцев капитан 1 ранга, командир 83 днтщ;
- Олег Владимирович Шаповал капитан 2 ранга, замкомандира 83 днтщ по воспитательной работе;
- Александр Игоревич Пешков контр-адмирал, начальник штаба 83 днтщ, впоследствии командир 83 днтщ, начальник штаба, командир 5 бртщ, замкомандующего Кольской флотилией, ныне командир Балтийской военно-морской базы;
- Сергей Вадимович Зубков капитан 2 ранга, командир БТ-«Коломна», начальник штаба 5 бртщ;
- Михаил Александрович Косов майор медицинской службы, флагманский врач;
- Константин Константинович Смирнов капитан 3 ранга, офицер-воспитатель.

Посмотрев на мои списки офицеров и мичманов бригады, я понял их представление вам, уважаемые читатели, займёт не одну страницу, но и не вспомнить достойных тоже неправильно. Поэтому я, с вашего позволения, просто

перечислю тех, с кем довелось выводить бригаду в передовое соединение ВМФ и Вооружённых Силах Российской Федерации. Итак: **Офицеры** – В.А. Орехов, А.А. Петрович, Л.А. Кучер, С.Ю. Ершов, Б.С. Жумин, А.А. Свириденко, Ю.А. Полшков, А.В. Почупайло, С.А. Назаров, П.М. Марьянков, О.О. Шлычков, Д.Ю. Самошкин. **Мичманы** – А.И. Маршалковский, С.Н. Плаксин, А.В. Дошак, Ш.Д. Султанов, Г.И. Гузь, В.В. и Е.В. Иванчегловы, Л.Г. Репецкий, Л.В. Марченко, М.С. Робу. А.Ю. Пыжов.

Безусловно, кое-кого я забыл или не указал. Прошу не судить меня строго. С той поры прошло почти пятнадцать лет!

Со многими сослуживцами особенно 67 (7) и 5-ой бригад у меня сложились добрые, дружеские, тёплые взаимоотношения, которые сохраняются и до сих пор. Мы их поддерживаем и дорожим, вместе радуемся жизни и успехам друг друга, наших детей и внуков. Долгих и счастливых лет вам жизни! Всех помню, уважаю и ценю. Осенью 2003 года, при очередном сокращении, а также отмены визита в Норвегию по причине шторма??? Я написал рапорт на увольнение в запас по оргштатным мероприятиям. Вот так закончилась моя служба. Лейтенантом я пришёл служить на 7-ю бригаду тральщиков Тихоокеанского флота, а капитаном 1 ранга закончил на 5-ой бригаде опять же тральщиков, но

уже Северного флота! *Я такой...* Далее началась совсем другая и незнакомая для меня гражданская жизнь. Ведь военную форму я одел в пятнадцать лет!

Спасибо папа и мама за то, что вы подарили мне такую интересную и беспокойную жизнь с многочисленными перипетиями, приключениями и поворотами!

И она, уважаемые коллеги, сослуживцы, соратники, единомышленники и просто хорошие люди – перед вами! Я Вас уважаю, помню, ценю и люблю! Благодарю за те минуты, часы, дни и года, когда мы вместе служили Отчизне, дарили положительные эмоции и надёжно прикрывали спину друг другу. Честь имею!

10.02.2019г. 15.15

СТИХИ

9 мая 2019 года

Россию никогда не победить.
Нас не поставить на колени.
А подвиги отцов и дедов не забыть,
На протяжении веков и жизни наших
поколений!

Кровь предков проливалась не напрасно.
Они нам дали счастье просто жить.
Если мы от них отступим, то ужасно -
Такое не забыть и не простить!

Смотрите, что творится у соседей?
Фашисты маршируют там и тут.
Как так случилось, кто ответит?
Ведь мы один народ – славяне здесь
и там живут.

Европа! Хватит пресмыкаться.
Пора уж жить своим умом.
Нас, россиян, вам нечего бояться.
Беда живёт-идёт, как говорим мы –
«за бугром»!

Где льётся кровь, ищите след американский,
Где горе и беда – они и верный «лев»
британский.
Они хотят по-прежнему всем миром управлять.
Пора уж этому ответ достойный дать.

И воевать здесь нам не нужно.
А нужно укреплять могущество страны.
Беречь людей, а это ведь не сложно.
Мы всё имеем, только неправы:

Вверху совсем забыли о народе.
Коррупция и воровство уже достали всех.
Порядочность и честь не в моде.
Обман кругом – всё это вызывает боль
и смех...

09.05.19. БКЗ «Октябрьский»

20-летию выпуска

Однокашники мои – неужели я вас вижу!
Понимаю, что не всех, но никто и не обижен.
Мы подвергнуты волненью.
Нам все завидуют, что тут –
Собрались мы отметить 20-е рождение,
И нам официантки подают...

Кто на Север попал не сразу,
Кто попал сюда в один миг.
Рассказать могут все по разу –
Про свой путь и флотский круиз.

20 лет – это совсем непросто,
Под грохочущий свист волны,
Уходили ночами в походы,
уходили по-разному мы.

20 лет – это срок немалый,
Даже чайки столько не живут.
И, пожалуй, ребята земные –
Нас совсем не поймут.

Наступил 91-й год.
Нас уволили многих.
Ну, а некоторых вынес он,
И разошлись наши дороги,
Но осталась связь времен...

Эх, скажу еще пару слов,
Когда носило нас как щепки,
Пришла пора тревожных снов!
Нас поносили, унижали, рвали «кепки».
Кто – то из нас стал не таков...

Флот захлестнула болтовня, бездельники
и просто негодяи.

Схватив, усевшись на «коня» -
нас беспричинно оболгали.
Однако, вихри не сломили,
наоборот лишь закалили.
Мы стали крепче во сто крат
и смуту эту пережили.

Нам стало ясно – кто есть, кто.
И мы сполна испили чашу,
Узнали настоящее лицо –
«Друзей»- «товарищей» из наших...

20 лет мы служим флоту,
Даже те, кто ушел в запас.
Мы учились всему и много,
Ну, а главное приказ!

Все мы были верны до конца.
Жаль, что не всё мы сделали.
Но не ропщем мы и всегда –
Любим Родину, оставленную нам отцами
и дедами.

11.10.96.

Встреча

Ну, вот свершилось и сбылось,
К чему мы шли так долго и упорно.

Что отмечталось и не удалось,
Что, может быть, произойдет, бесспорно...

Мы выжили, остались на плаву.
И видим не во сне, а наяву,
Друзей таких знакомых и родных,
Вот только в жизни не хватает их.

И я от всей души хочу всем пожелать,
Чтоб снова встретиться опять.
Обняться, помечтать и вспомнить о былом,
Когда мы были молодыми,
и всё нам было нипочем.

12.10.96.

25-летию выпуска КВВМПУ

Приятно видеть ваши лица,
Приятно быть в кругу друзей.
И хоть сегодня Украина за граница,
Но помним все – Подол родной.

Хочу сказать вам расставаясь,
Мечтаю видеть вас опять.
Я, надеюсь, не прощаюсь,
Хотел бы вновь вас всех обнять.

Привет Днепру, пивбарам и киянам.
Как повезло тем «могилянам»,

Что пришли вместо нас.
Но мы – то помним этот час,
Когда мы стали офицерами,
Засыпав плац рублями целыми.

30.06.01.

25-летию Кольской флотилии

Ты одна на Севере такая –
Кольская флотилия родная.
Тебе сегодня двадцать пять!
Но выглядишь ты, как всегда на пять!

Твоими кораблями сделано немало,
А моряками – флот ты украшала.
Где только нет твоих посланцев?
Не раз мы поражали иностранцев:
Своими знаниями и морской культурой,
А также русской статью и натурой.
Где только не ходили мы, Отчизну защищая?
Одновременно ее, слава, укрепляя.

По стрельбам, БЗЖ и тылу –
Мы флот не раз спасали, выручали.
Приморский фланг, прикрыв надежно с тыла,
Десанты наши, как всегда, «врага» сминали.

«Владычица морей» - рукоплескала нашим
силам.

Подводники ее почти - что покорили...
Да и последний «Фрукус» показал,
Что «Чабаненко» - лучшим стал.

Да, добрых дел у нас прилично.
И возраст тоже симпатичный.
Есть повод подвести итоги.
Особенно пока благоволят нам боги.
Флотилии расти и процветать!
Без нас господства в море не видать!

09.07.07

35 лет выпуска

И вот мы в Киеве,
Хоть много лет прошло.
Всё было мило,
Душевно и тепло.

Наши дела неплохи.
С погодой не повезло.
Но это неудобства крохи.
Главное – 35 лет прошло!

Было всего много
И как-то особенно светло:
От милых лиц, улыбок,
А какое духа торжество?!

Мы все ушли в прошлое,
Но жили сегодняшним днем.
Желаю всем всего хорошего,
Мы помним – значит живем...

26.06.11.

Бежит река

Бежит река с названием Сейм.
Бежит издалека и ты поверь,
Кто хоть однажды в те места попал,
Влюбился в них – мгновенно, наповал.

Какая чудная у нас страна!
Такую не найдёшь – она одна.
Ещё бы дружно на ней жить.
Тогда не стоит и тужить.

Чего нам в жизни не хватает?
Мне кажется, что мира и добра.
А если справедливости прибавить –
Пришла бы благоденствия пора!

24.03.18.

В поезде «Звезда»

Здравствуй город моей юности!
Я скучаю по тебе древний Минск.
И скажу тебе без лишней скромности –
Я, как ангел, перед тобою чист.

Навсегда остались в памяти,
Те прекрасные дни!
Красные лампы, славные памятники.
Замечательные люди твои...

Я всю жизнь храню любовь к Беларуси.
Нашим заветным суворовским местам.
Ничего нету в мире лучше,
Чем парк Казея, река Свислочь и наш
мальчишеский экстрим и гам.
Котлеты второго завтрака,
Конфеты «домино» и стакан молока.
Всем известная ротонда и арка,
Мимо которых бегали кроссы, «задыхаясь»
слегка.

Привет сябры! Я снова с вами!
Ищу знакомые мне лица, а на них черты.
Навечно наша дружба между нами,
Верность присяге, суворовская честь и наши
мечты!

25.11.17. 06.40-07.10

В день ВМФ

Сегодня День для всех особьй.
Ведь 300 это вам не пять.
И это юбилей похожий,
Как День Победы 45...

Увы, сейчас такое время,
Флот вспоминают лишь тогда,
Когда делить приходится бремя
Запасы скудные пока.

Но мы живем надеждой,
Что будет в жизни час,
Когда пойдем мы в море,
Как прежде держа галс:
Туда, где нас не знали,
Туда – куда приказ,
Туда – куда позвали –
Нас Родина и глас...

28.07.96.

Времени нить

Времени нить – мгновения миг.
Кто-то его быстро достиг.
Кто – то ушел в тираж.
Жизни нашей кураж,
А может вечности сон.
История – это как колокольный звон.
Просит – запомни меня.
Когда пройдут годы,
Надеюсь, кто – нибудь вспомнит и меня.

20.08.04.

Прощание

Я уезжаю и хочу тебя (Вас всех) обнять.
Грущу, что это так уж скоро.
Увы, нам не дано узнать,
Что ждет нас там за косогором?
За далями, за синими озерами.
Однако, мы живем и это здорово!

01.10.04.

Встреча в школе №46

Что нам годы и разлука?
Мы всё же наконец-то собрались.
Убралась восвояси скука,
И мы чуть-чуть расслабились.

Сколько было воспоминаний, сколько радости,
сколько всего?!?

Долго будет всё перевариваться, сниться,
думаться, когда мы встретимся еще?

Покидая родную школу,
гостеприимный Донбасс –

Хочу сказать вам теплое слово:
Помните далеких нас,
Встречайтесь почаще, любите,
Детей и внуков растите –

В общем, живите, живите, живите.
Всегда помню всех вас
И наш 8Б класс...

Воспоминания на встрече

На встрече мне пришли воспоминанья
О юности, прошедших днях.
Да, предстоит нам расставанье,
Но не забудьте вы меня.

Я вернусь, когда - не знаю.
И отбросив с дороги усталость,
Я приду, как всегда, к вам друзья,
Рассказать, услышать, что осталось
С тех пор, как проводили вы меня?

Будьте такими же простыми,
Желанными, такими дорогими.
Пока мы помним – мы живем,
А если все забудем, то умрем.
Пусть вам снятся радостные сны.
Будем как прежде нашей дружбе мы верны.

Одноклассникам

Сколько лет прошло, а вы еще милее!
Мы постарели – вы лишь только подросли...
От с встречи с вами нам становится теплее.

Нам кажется, что мы нашли –
Дорогу к детству, где мы были молодыми,
беспечными, немножечко лихими.

Ведь только через вас –
Мы жизнь узнали, вспомнили сейчас.
Живите в радости, в любви,
Не зная грусти и печали,
Пусть окружают вас свои,
Да и друзья не забывают...

26.08.97
Кабинет труда. СШ№46,
Донецк.

Дончанам

Дорогие мои дончане!
Как жаль, что я сейчас не с вами.
Запомню навсегда я вашу теплоту,
Ваше участие, заботу и доброту.

Ловлю себя на мысли –
Какой я в этой жизни?
Чем дорог для меня ваш край?
Который для меня отнюдь не рай.
И только лишь недавно я нашел ответ.
Ведь здесь был молод я, хотя всего 15 лет.

Простившись с вами, снова я хочу
«Сорить словами», делать, что хочу.
Легко быть с вами, а в разлуке я грущу.

Апрель 1999 г.

Дороги

Жизнь такая сложная штука!
Не сразу поймешь ее, пожалуй.
Шагать по жизни это наука,
В которой нет слова – усталость...

Бегут дороги во все края,
Какая из них твоя?
Где встретишь ты счастье свое угадай?
Попробуй себя познай.

Ведь рано иль поздно придется решать:
Которой из них идти.
С тем, чтоб счастье свое искать,
Встретить его в пути.

Это не каждому в жизни дано.
Слабым трудно идти.
Нужно лишь помнить только одно,
Что всё еще впереди...

Эта надежда прибавит сил,
Позволит цели достичь.

Раскроит столько чудес на свете,
Которых всех не постичь.

Лети, плыви, шагай по свету,
Ищи заветную мечту!
Пройди из края в край планету,
Чтобы сказать, что я люблю...

23.04.1976.

Друзьям-товарищам
При отъезде с севера

Сегодня с вами расстаёмся.
Теперь вам без меня гулять.
Давайте просто мы пройдемся –
По жизни, чтоб её понять.

В ней всё не так уж гладко.
Порой бывает тяжело.
Но в этом есть её загадка,
И нужно жить, и улыбаться как бы не везло.

Чтоб что-то получить –
Надо трудиться.
Ну, и уметь, конечно, отдавать.
Не стоит слишком строго относиться
К тем: кого мы не смогли узнать.

Почаще радуйтесь свету и жизни,
Меняйте образ и свой быт.

Побольше двигайтесь, простор давайте
мыслям,

Чтоб в старости не мучил стыд:
За одиночество и горечь разочарований,
За будничность ушедших дней,
Не забывайте, расставаясь, надёжных,
преданных товарищей-друзей...

06.09.07.

Ещё один день

Ещё один день ушёл из жизни.
Подходит очередная тишина-ночь.
Можно спокойно привести в порядок мысли,
Прогнав дневную суету прочь.

Люблю размеренность ночную,
Когда всё замирает и молчит.
А я беседую с душою,
Которая порой болит.

Или просто вызывает на откровенность.
Ведь как с собой – ни с кем не поговоришь.
Приятны мне её правдивость и степенность.
Моё ЭГО, что же ты творишь?

Спасибо, что не даёшь мне погибнуть,
Поддерживаешь, как можешь, на плаву.

Помогаешь многое чувствовать и видеть.
Благодаря чему, я надеюсь и живу.

Вот и вам пожелаю гармонии и надежды.
Не ищите подводных камней!
По течению плывут невежды.
Будьте среди тех, кто их умней!

03.05.19

Записи

Листая старую тетрадь,
Я обнаружил эти записи.
Хочу я вспомнить и понять,
Что значат судьбы, надписи:
Тех, с кем мне довелось общаться.
Идти по жизни, радоваться, улыбаться.
Делиться мыслями и хлеб делить,
А иногда и водку пить.
Всё было в жизни, что лукавить.
Но хочется мне к ней ещё добавить –
Годов так этак 25!
А что стесняться, может всё придёт опять:
И свежесть чувств, и радость бытия,
Пусть только мирно вертится Земля.
Мне повезло родиться позднею весной,
Когда всё зеленеет, оживает и пахнет тобой...
Запах женщины дурманит и пьянит,
А сердце колотится, иногда болит.

Люди добрые, любите друг друга!
Понимайте, прощайте и жён, и супругов...

28.05.17

Засиделся

Я сегодня засиделся, получилось так.
А тут Олег Митяев – душевных слов мастак!
Прислушался – прелестно и душу греет
«Хванчкара».
Давно и всем известно – мы мудреем
к концу жизни – пора...

А зачем теперь эта мудрость?
У детей своя жизнь.
Наш опыт у них вызывает хмурость,
Недовольство – ещё пока сильно не
обожглись...

Лично я, очень часто вспоминаю своих
предков.

Сожалею, что рано они ушли.
Сколько б дали они мудрых советов?
Сколько б в жизни ещё помогли?

100 лет в этом году папе, а маме меньше на
шесть лет.

Нет о них ничего ни в вайбере, ни в
ватсапе.

И ещё раз говорю, их давно нет!

По-прежнему люблю вас милые.
Благодарю вас за всё!
Мы дети – послевоенные, любимые.
Обожаем жизнь, да и поживём, хоть
до ваших лет ещё...
22.04.18. 01.20

Здравствуй, Тёткино

Здравствуй, Тёткино!
Прекрасный уголок России!
Я вновь сражён и очарован вновь.
Твои красоты, небо светло-синее
Жаль только, что «чужим» достался пляж –
Пророй.

С Высоким тоже есть проблемы,
Где прыгали – забор стоит...
Вообще-то Сейм подбрасывает темы –
Зарос по не могу, но всё ж бурлит.

По-прежнему прекрасно на Шумах:
Шумит река и будоражит.
Народ окраины, ведь всё в твоих руках.
Потомки нас оценят, скажут:

Беречь природу, дивные места
Мы все должны – ну прямо с детства!

Тогда здесь можно жить до ста,
Не занимаясь самоедством.

Любимый уголок ты хорошеешь.
Красавец здесь хоть отбавляй!
Россия, ты ведь всё умеешь –
В душе навеки соловьиный край!

От увиденного, не спится.
День посёлка прошёл на ура!
Я уверен будут долго сниться
Эти тёткинские вечера.

Наш неспешный экскурс в молодость.
Где было много всего.
Воспоминания захлестнули,
Ах, ведь было и от чего...

Разве можно забыть вкус первого –
Поцелуя, чего ж ещё?
Ну, а также друга верного,
И, конечно, его плечо.

Дорожите своею жизнью.
Беззаветно любите свой край!
Лучше нету, чем наша Отчизна.
Тёткино – это наш земной рай...

06.08.17. 05.00-05.20

И вот я в Тёткино...

И вот я в Тёткино.
Слушаю Стаса Михайлова,
Купаюсь в Сейме и грустно-отчаянно –
Вспоминаю юности года:
Как было здорово тогда,
Когда живы были все родные!
Наверно, истории свойственно иногда –
Напоминать нам, кто мы такие.
А мы из этих или из тех:
Кто честно жил, защищал, учил.
И, конечно, из тех, кто Тёткино беззаветно
любил,
Верен ему и поныне, этот край не забыл.
Клянусь, дорогой уголок, отныне –
Быть ежегодно здесь, пока хватит сил.

13.04., 1 8.04.09.

Кто я

Кто я в этом мире –
иногда думаю я о себе?
Человек-личность или человек
так себе?
Как я проживаю жизнь?
Позитивна ли моя мысль?

Люди ответьте! Скажите!
Только всю правду и не томите!

Мне кажется, что я, в общем добрый.
Вроде бы не пустой,
А также не слишком гордый.
Ну, и, конечно, не «золотой»!

Я хотел всех сделать счастливыми.
Я не кому не желал зла.
Может иногда был торопливым,
Но что поделаешь – такова моя судьба.

Как и мой отец, я всегда помогал слабым.
Как и моя мать, я всегда учил не знающих.
Был за добро благодарным.
Поддерживал чем мог страждущих.

Одним словом, шёл своей дорогой
Сам определял свой путь
Когда-то был просто Серёгой.
Ныне – Сергей Андреевич, но не в этом суть!

Думаю, не стоит усложнять и напрягать
пространство,
А ещё сильнее жизнь любить.
В этом нет никакого жеманства,
Если мучает жажда – значит нужно пить...

30.12.18. 01.33

Вернусь я, и мы снова будем вместе.
Опять мы в летний сад гулять пойдём,
И будем слушать в море чаек песни,
Смотреть, как полыхает горизонт.

Да, жизнь у нас с тобою непростая.
Но лучшей мне не надо никогда.
Ведь это же судьба наша морская,
А ей мы дорожим и навсегда...

И мы возносим вас с благоговеньем:
Невесты и подружки моряков!
Лишь только вы достойны преклоненья,
Побольше, чем кто – либо из богов...

*10.09.1973 г.,
Киев*

Письмо любимой

Мы многого ещё не понимаем,
И многое нам в жизни предстоит,
Но главное что мы уж занимаем –
Одну шестую часть Земли...

Живём мы вдалеке и где – то рядом.
Ты пишешь мне, а я пишу тебе.
Хотелось, чтобы был у нас порядок
И в жизни, и судьбе, и на воде.

Ты пишешь в письмах мне,
Что в них я посмелее,
Да и, конечно, так оно верней.
В них время не спешит пройти быстрее,
А на словах и в жизни это все трудней.

На этом я, пожалуй, и закончу,
Хотя, как и всегда, я много не сказал.
Как знать, быть может этой самой ночью –
Дорогу в жизнь себе я отыскал...

15.10.1973 г.

223 класс

Курсанты мы, и пусть мы не поэты.
Удел наш море, люди, корабли.
Неделями не видим мы просвета,
Но знаем, кто – то ждёт нас там, вдали.

Да, не поэты мы, но кто так сможет:
Увидеть солнца луч, услышать всплеск волны,
Конечно, как поэт, курсант стихов не сложит,
Но как поэты чувствуем всё мы.

Романтика, поэзия морских просторов –
Живёт в душе у каждого из нас.
Свою судьбу связал навечно с морем –
Наш двести двадцать третий класс...

1974 год

Двадцать лет

Вот и пришла она –
Двадцатая весна...
Пора надежд, свершений и желаний,
Душевных бурь и страстных ожиданий.
Пусть время остановится на миг.
С тобой, о юность, я прощаюсь..!

Пишу от первого лица, но ты прости мне
эту вольность,
Ведь мы в апреле родились
И нам не свойственна покорность.
К тому же нам всего лишь 20 лет,
А в это время всё меняет цвет.
Природа оживает, зеленеет.
Цветами покрывается земля,
И синь в лазури неба голубеет,
Своими далями вперед и ввысь маня...

Апрель 1975 год

Осень

Вздываясь, пенятся волны.
Чайки, пугаясь, кричат.
Губы волненьем полны,
Руки мои дрожат.

Сердце, как птица в клетке,
Рвется куда – то в высь.
Счастье мое, где ты?
Я умоляю, явись!
Море, ласковое море!
Ты только можешь понять,
Как тяжело бывает горе,
Когда ты фортуны не можешь догнать.

Бытие, ты ведь вечно?!
Ты не спеши пройти.
Я ведь всего человек лишь,
Нам же ведь по пути!

Но мои крики тщетны,
Листья проносятся мимо...
Что же ты, желтая осень,
Со мною –то натворила?

Чайка – морская птица!
Что же мне делать скажи?
Как мне так разозлиться,
Чтобы преграды крушить.

Бытие, дай любовь мне.
Я не прошу ведь вечность.
Душу пусть успокоит –
Женская ласка и нежность...

13.10.75.

На концерте Трофима

Всё меньше остаётся адресов,
Где мог я не платить за ужин и кров...
Пел в БКЗ Трофим.
Да, в этом году ушёл в мир иной не один:
Родственник, друг, сослуживец, да и просто
хороший знакомый.
Так можно сделаться «бездомным»...
Я очень сильно хотел бы попросить
Всевышнего –
Не забирать всех сразу к себе,
Чтобы не было так больно за лишнего.
Оставьте побольше близких и друзей мне.
Провожая дорогих людей в вечность,
Я думаю, не уже ли следующий я?
Пропали сон и беспечность.
И всё больше нравится Земля!
Очень хочется жить.
Делать что-нибудь доброе людям,
С внуками вдоволь побыть,
А там будь что будет!
Ещё, что меня напрягает –
Так это как устроен мир?
Что и как в нём происходит, бывает,
Да и когда же я пошью новый мундир?

Не говорю о здоровье
И о состоянии души.
Они тесно связаны с жизнью,
А она всё решит!

Раз так, то нечего грустить.
Разбираться в казусах и случайностях.
Нужно просто на белом свете жить.
Не обращая внимания на выверты судьбы,
сосредоточившись на обыкновенных
радостях...

20-21.10.17.

На встрече в Тёткино

Кафизов, Зубченко, Чепурной
Греков, Вивка Дудкин, Никитенко, Остапенко
«Накатили» по первой, по второй –
Стали вспоминать Кижу, Витуна, Побатенко...

Ох, как быстро жизнь пролетела!
Сколько нету наших друзей.
Тёткино без них опустело,
Но всё равно нет его милей.

Будем верными друзья нашей дружбе.
Как договорились ежегодно – встреча.
Всё было в нашей жизни и службе.
Но будем помнить этот вечер.

А мы будем энергичными и здоровыми,
как прежде.

В этом пафосе, кажется, жизнь станет лучше.
И проблемы сами собой разрешатся.
Пусть только жара не мучит,
Да позволит с близкими и родными
чаще встречаться...

21.05.19,
288-я годовщина ТОФа

Родина моя

Родина моя любимая!
Жизнь моя принадлежит тебе,
А любовь к тебе неугасимая –
Навсегда живёт во мне.

Я горжусь родными далями.
Я горжусь, что я родился здесь.
Я горжусь и Лениным, и Сталиным
Это было, это будет, это есть!

Как же быстро мы скатились в бездну,
Как же быстро мы забыли всё?
Кто-то стал богатым, кто-то бедным,
А мораль и совесть? И ещё –

Стали мы бояться правды,
Негодьям руки пожимать.
Всё решает нынче Главный,
А на мнение людей плевать!

Над страной ходят тучи.
Молнии сверкают тут и там.
Разве многим стало лучше?
Когда ж закончится бесправие, обман?

Нужна всего лишь справедливость,
Внимание к потребностям людей.
Закон один для всех, хоть это и наивность,
А также подконтрольность всех властей.

Я это написал, пересмотрев сначала –
Телесериал с названием «Вечный зов».
Отчизна – мать ты много нарожала –
Полиповых, а надо б, как писатель Иванов!

02.09.17.

Рождественская ночь...

Душа моя окаменела
И тело вроде не мое...
Судьба, наверно, захотела-
Перевернуть мое житьё.

Без испытаний нет и наслаждений,
Конечно, прав был всем известный гений –
Великий тезка – брат Есенин:
«И пускай со звонами плачут глухари.
Есть тоска веселая в аlostях зари...»

Почему тоскует моё сердце?
Год ведь только начался.
Никто не посыпал мне «раны» перцем,
А год, прошедший удался...

Но что-то гложет и печалит.
И долго ждать до алости зари.
Ночь в Рождество бессонницу мне дарит,
Напоминает жизни дни.

Все почему-то помнится мне детство.
Когда не знали мы забот.
То замечательное место,
Где ров был у забора и ворот.

Два резных окна и палисадник,
Там иногда росли грибы,
А прямо во дворе огромный куст сирени,
Гнездо, где пели соловьи.

Густые заросли малины,
Соседский сад с «белым наливом»
Цыганский табор рядом в переулке,
Ночные посиделки и прогулки.

Неужто время подводить итоги?
И не уже ли кончились дороги?
Чур - чур меня, оставь печаль.
День ото дня ясней всё даль...

07. 01. 04

Северянам

Северяне – люди особой закалки.
Северяне – люди с доброй душой.
Северяне – не ставят друг другу палки.
Северяне знают про Поной.

Знают также про Гремиху и Никель,
Кандалакшу, Апатиты, Мончегорск.
Североморск – военного флота обитель.
Нашей Родины – северный оплот и форпост.

Кольский край – кладовая Державы.
Город Мурманск его душа.
Здесь кончаются рельсы, начинаются океаны.
Мы же все стремимся приехать сюда.

Как же можно забыть эти годы,
Когда всё нам было по плечу?
Эти тёплые встречи, морские походы.
А грибы и рыбалка? Я тут помолчу...

С северянином встретиться радость.
Особенно, если на материке.
Поговорить о том, о сём малость.
Рассказать немного о себе.

Просто вспомнить о службе, о дружбе.
Если надо друг другу помочь.
Нет, никто из нас не забудет –
Суровую полярную ночь.

Ну, и, конечно, полярный день и поля иван-чая,
А озёра, грибные и рыбные места..?
Тянет на Кольский север, по себе знаю.
Всё мечтаю попасть туда.

Северянам всем пожелаю.
Счастья, радости и добра.
Пусть вас небо оберегает,
Мне же на работу пора...

29.03.17
04.27 – 06.12

Флотские будни

(Выход с В.Г. Доброскоченко)

КТГ №2, наконец, отошла.
После многих запросов у «Ренты».*
Хорошо, что она всё же в море ушла,
Не взирая на грусти моменты.

* Рента – позывной ОД СФ

Ох, досталось же нам –
от всего и от всех!
Пушки ржавы, «решения» скверные.
Жалкий вид офицеров, как грех.
Только мысли начальников верные.

Но накладки и промахи всё ж не закончились.
Правый главный «потух»,
Задробив выход в море БТ – 50.
Всё же, как не крути, лопухнулись мы и
«опоросились».

И, увы, ничего не вернуть уж назад.

Что же будет? Резонный вопрос.
Больше суток мотали мы нервы.
Видно, вышел ресурс и понизился спрос –
За матчасть в БЧ – 5 и, наверно:
Будет чей – то приказ.
Крики, ругань и всё тут.
Стыдно будет начальству за нас,
За проклятые эти минуты.

Тяжела ты судьба моряка.
Выход в море сегодня, как подвиг.
А не выход – сваял дурака,
И скорей уноси – ка ты ноги...

Кайся, голову пеплом посыпь,
Может это спасет и поможет.
Можешь просто уйти или просто забыть,

— — — — —

Только червь ведь сомнения гложет:
Почему, как же, так и зачем?
Что случилось с проклятым железом?
Неужели живем мы затем,
Чтоб бороться со всем этим светом..?

09.07.02.

Хочу пожелать надежды

Хочу пожелать вам надежды,
А вместе с ней хороших дней!
Увы, ничего не будет как прежде,
Но главное управлять судьбой своей:

Не хандрить, не ныть и не сдаваться.
Не обращать внимание на пустяки.
И очень сильно огорчаться
На пролетающие в суете и спешке дни.

Их не вернуть – таков закон природы!
Жить нужно сегодня, в этот час и миг.
Всегда вниз текут вешние воды,
И только сейчас пишется этот стих.

Завтра будут другие слова и мысли.
Завтра будут другие дела.
Пусть только будет *завтра!*
И желательнее лучше чем вчера...

03.05.19

